

18+

Мила Дрим

Нежный плен

Мила Дрим
Нежный плен

«Издательские решения»

Дрим М.

Нежный плен / М. Дрим — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517514-4

О его беспощадности ходили легенды. О её красоте шла молва по всему Уэльсу. Он — человек, который пришел наказать. Она — та, которая будет наказана. Или же вознаграждена? История любви Леонардо, верного друга Александра (роман «Маленькая жена»), и прекрасной саксонки.

ISBN 978-5-00-517514-4

© Дрим М.
© Издательские решения

Содержание

Нежный плен	6
ГЛАВА ПЕРВАЯ	7
ГЛАВА ВТОРАЯ	8
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	11
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	13
ГЛАВА ПЯТАЯ	15
ГЛАВА ШЕСТАЯ	18
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	20
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	23
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	25
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	27
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	30
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	32
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	33
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	35
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	36
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	38
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	40
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	42
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Нежный плен

Мила Дрим

© Мила Дрим, 2020

ISBN 978-5-0051-7514-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нежный плен

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Англия, 11 век.

Судьба настигнет её.

Эта мысль оглушающим звуком стучала в голове девушки, пока она пыталась что есть силы, приблизиться к лесу. Она бежала. Отчаянно, игнорируя боль в ногах, не обращая внимания на разгорающийся позади пожар, дыхание которого все еще обжигало ей спину.

Позади – слышалось безумевшее ржание лошадей. Крики людей, лязганье мечей, снова крики, треск сгораемых домов. Все это подгоняло девушку, заставляя двигаться её изо всех сил. Ведь она прекрасно знала, что будет, если её поймают.

Кожа на ногах, местами, была содрана до крови. Мышцы сводило от усталости, а грудь беспощадными тисками сдавливал удушающий страх. Девушка шумно вздохнула, пытаясь наполнить воздухом легкие, но вместо этого – тяжело закашлялась, ощущая, как слабость подбирается к ней, угрожая лишить шанса на спасение.

Внутренним чутьем понимая, что она – легкая добыча, что её уже наверняка заметили, что предательский ветер, который только что сорвал с её головы капюшон, привлек внимание к волосам, девушка, все же, не теряла надежды, что ей удастся скрыться в лесу.

Лишь бы добраться до него.

Она заставила себя побежать. Но продвинуться слишком далеко девушке не удалось – она, спотыкнувшись о камень, упала на колени, мгновенно ощущая боль в них. Девушка попыталась встать, но, казалось, ноги перестали слушаться её. Где-то поблизости послышалось цоканье копыт. Слишком близко.

Медленно, опасаясь увидеть подтверждение своим страшным ожиданиям, девушка стала поворачивать голову в сторону раздающегося звука. Обреченный стон сорвался с её губ, когда она поняла, что её заметили. Все ужасающие истории всколыхнулись в голове девушки – о жестокости, несправедливости, боли и смерти, что причиняли эти люди. Она слышала об это последние 5 лет, и для неё все это было лишь страшными легендами, тем, чем запугивали детей, тем, что никогда не случится в её жизни.

Она ошиблась.

Это случилось.

Судьба настигла её.

Таковы были последние мысли девушки, перед тем, как её грубо оторвали от земли и закинули на коня...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Она была рада, что не потеряла сознание, по крайней мере, так девушка могла бы знать, что сделают с ней эти страшные люди. Быть может, сразу же убьют. Хотя брат предупреждал её, что с такой внешностью не стоит рассчитывать на скорую погибель. Девушка не до конца понимала, что именно он имел в виду, а стыд не позволил ей расспросить об этом поподробнее.

Теперь, видимо, это предстояло узнать ей на собственном опыте.

Ах, Эрик!

Смешанные чувства к брату – обида, злость, досада и сестринская любовь, сжали сердце девушки.

«Знал бы ты, в какое положение меня поставил, Эрик, – размышляла она, ощущая подкатывающую дурноту, – знал бы ты, что меня ждёт. И всё из-за твоей самоуверенности».

Ей было больно от чужой руки, удерживающей за плечи. Но еще больнее – от вида, что предстал глазам девушки – сожженные дома в деревне, мимо которой она сейчас проезжала. Черные, обуглившиеся стены, погибший скот, раненые люди... быть может, некоторые из них были уже мертвы.

Она не знала.

Не знала и того, что этот светлый день так закончится.

Меж тем, всадник продвигался вперед, все дальше и дальше, туда, где на поле стали размещать лагерь другие воины – прямо напротив замка, в котором жила девушка. Отчаяние охватило её, когда она увидела, как отряд воинов без каких-либо трудностей, проникает внутрь. Им не было оказано никакого сопротивления.

«Да и кто его окажет, – с горькой усмешкой подумала девушка, – Эрик забрал с собой всех своих людей. Остались только старые слуги». При мыслях о прислуге, она почувствовала, как к глазам подступили слезы. Что с ними сделают? Вряд ли их пощадят, скорее отыграются на них за то, что не нашли в стенах замка господ.

Лошадь стала замедлять свой ход – девушка вздрогнула, пробудившись от своих невеселых мыслей. Она была уже в центре лагеря. Повсюду были расставлены палатки, кругом сновали воины, все заключенные в доспехи. Не снимая свои шлемы, то девушка приняла бы их за железных чудовищ, так устрашающе выглядели эти мужчины. Высокие. Нет, среди саксов тоже было много мужчин, отличающихся немаленьким ростом. Но эти люди – на голову-две были выше их. Были и другие отличия – смуглая кожа, черные волосы и, конечно же, язык. Гортанный, непривычный, раздражающий.

Это были чужие люди.

Завоеватели.

Проклятые нормандцы. Так часто повторял Эрик. Сама девушка не смела озвучивать вслух эти слова, будто боясь призвать этим врагов. Однако они пришли. Пришли, несмотря на все уверения брата, что Уэльс слишком опасен для нормандцев, что они побоятся сунуться сюда.

Они пришли, и теперь жизнь девушки принадлежит им. Внутри поднялся горячий протест – что нет, так не должно быть, все это неправильно, нечестно! И тут же, словно в наказание, мужские руки стянули девушку с коня и толкнули в сторону других женщин.

– С этой по – осторожнее, – раздался голос. – Лорд еще не нашел леди, а эта красotka очень смахивает на неё. Он скоро будет. Вот уж повеселится лорд с ней.

Девушка поняла всё, что произнес один из воинов. В конце концов, она была образованной (что, однако, было редкостью для женщин), она знала несколько языков, в том числе и нормандский. Правда, под словом «повеселиться» девушка имела непонятное ей представление. Она была абсолютно невинна в этом вопросе.

Да и не пресало ей быть сведущей в этом. Леди воспитывались строго. А она, без сомнения, была леди.

Девушка посмотрела на своих сестер по несчастью – это были молодые женщины, жившее за стенами замка. Они, конечно, узнали свою госпожу, но, ни словом, ни взглядом, не выдали её. Она, ощущая чувство вины перед ними, села рядом – прямо на траву. Девушка, со стоном на губах, вытянула ноги – они ныли от усталости, а колени горели от ссадин. Глянув на подол своего платья, пленница обнаружила, что оно испачкалось не только в пыли, но и крови.

– Раны надо будет обработать, – заметила одна из молодых женщин, окидывая девушку сочувственным взглядом.

Она знала её – это была дочь пекаря, Энн. Хорошенькая, с милым личиком, усыпанным золотистыми веснушками, заботливая, единственная отрада своего отца. Уцелел ли он?

– Спасибо, Энн, – поблагодарила молодая госпожа.

Энн шагнула к ней и, делая вид, что поправляет подол своего платья, зашептала:

– Они ищут вас, госпожа. Их предводитель тоже здесь. Злой, как черт. Держитесь, быть может ваш брат приедет с подмогой.

– Спасибо, – еле шевеля губами, поблагодарила девушка.

От подобных новостей страха в ней только прибавилось. Какая-то обреченность сковала сердце девушки, мешая ему нормально стучать. Оно, то замирало, то ускорялось, разрывая грудную клетку. Пленница, чувствуя, что вот-вот разрыдается, в попытке отвлечься – хотя бы на что-нибудь, устремила взор вдаль.

И тут же пожалела.

Воины, хоть и были заняты делом – кто-то разводил костер, кто-то – занимался лошадьми, успевали бросать на девушку голодные, откровенные взгляды. Это было столь непривычно для неё, что она вся сжалась, не зная, как себя вести. Один из мужчин послал девушке сальную улыбку и сделал какие-то телодвижения в её сторону, отчего его товарищи громко заржали.

Пленница, ощущая обжигающий стыд, спрятала лицо в ладонях. С ней никогда прежде так не обращались. А ведь эти люди, сейчас, даже не прикоснулись к ней, но девушка уже испытывала ужас от увиденного, что же, будет дальше?

Меж тем, сгущались сумерки. Становилось прохладно – осенние дни, они такие – днём солнце греет так, что думаешь, что лето еще не ушло, но стоит только светилу спуститься к горизонту, как воздух меняется – и вот уже хочется скорее накинуть на себя нечто более теплое, чем просто платье.

Пленница поёжилась от холода. Она с тоской посмотрела в сторону костра – хорошо было бы ей и другим женщинам погреться возле него. Но кто думал об их комфорте и тепле? Уж явно не эти страшные люди. От них не стоит ждать ни жалости, ни сочувствия.

Будто в подтверждение её мыслей, в сторону пленницы двинулся один из воинов. Тёмно-русые волосы свисали на его гладко выбритое лицо, карие глаза с интересом разглядывали девушку. Она еще больше сжалась, обняла себя за плечи, чувствуя приближающую опасность.

Другие воины окликнули кареглазого мужчину, но он, лишь отмахнувшись, подошел к пленнице столь близко, что, при желании, сделай он еще один шаг, то непременно бы встал на неё.

– Готов поспорить, что твоя кожа еще не знала кнута, – усмехнулся воин и, протянув руку, схватил девушку за плечо, рывком поднимая её.

Она громко вскрикнула – от боли в ногах и руке, но еще больше – от страха. Карие глаза полыхали ненавистью.

– Думаю, скоро ты узнаешь его вкус, – продолжил воин.

Он подтянул её за руку ближе к себе, а девушка, глядя расширенными от ужаса глазами, не могла шевельнуться.

– Саксонская горячка, посмотрим, как ты заговоришь, когда мой... – мужчина не успел закончить разговор, как раздался щелчок, разрывающий воздух. Девушка даже не поняла, как это случилось, что появились всадники, и один из них умело набросил на шею воина кнут.

Мужчина выпустил руку пленницы и инстинктивно попытался снять с себя кнут – но тот затянулся еще сильнее. Лицо воина побагровело, глаза выпучились, а изо рта стали раздаваться непонятные звуки. Девушка, потрясенная, не сводила с него взгляда. Она не видела никого вокруг, только красную шею, все больше затягивающейся на ней кнут, и перекошенное от боли и нехватки воздуха, лицо обидчика.

– Ты больше не приблизишься к тому, что моё, Герольд, – пророкотал властный мужской голос.

Воин, обвитый кнутом, слабо качнул головой. Но, видимо, всаднику этого было мало. Он подтянул мужчину назад, и зловеще предупредил:

– Лишь потому, что я ценю своих людей, сегодня я пощадил тебя.

Кнут сполз с шеи воина и, взвившись вверх, исчез. Девушка, проследив за ним загнипнотизированным взглядом, подняла глаза. Кровь застыла в её венах. На неё смотрел тот, о ком её предостерегал брат, кого так боялись последние 5 лет жители Уэльса.

Нормандский лев собственной персоной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Леонардо смерил девушку холодным, расчетливым взглядом. Белоснежная кожа, белокурые, шелковистые волосы, руки – не знавшие тяжелого труда. Лицо – благородные черты, мягкие, женственные, отчего-то показавшиеся знакомыми ему. Последнюю мысль воин нещадно прогнал, считая её абсолютно лишней. Он продолжил анализировать. Хотя под простым, широким платьем фигура девушки была хорошо скрыта, воображение и чисто мужское чутье подсказало Леонардо, что у неё – красивая грудь, осиная талия и округлые бедра. Девушка, как говорили о ней – обладала статью, была высока ростом и обладала «внешностью ангела».

Для порядка, Леонардо пробежался взором по другим женщинам – хоть те и были привлекательны, не шли ни в какое сравнение со стоящей перед ним красавицей. В памяти тут же всплыло, как менестрели воспевали красоту «белокурой девы, чистой и непорочной, как слеза и смех младенца».

Определенно, это она.

Леонардо ловко спрыгнул со своего боевого коня и вручил поводья оруженосцу. Животное недовольно зафыркало и попыталось укусить молодого мужчину, но тот успел в последний момент увернуться. Не сводя холодного взгляда с девушки, которая, как статуя, стояла, не шевельнувшись, воин подошел к ней. Нет, все же, она двигалась – её тело сотрясало от дрожи. Было ясно, что пленница напугана. Даже полные губы белокурой красавицы слегка подрагивали. Мужчина ощутил некое удовлетворение в груди.

– Я так понимаю, передо мной стоит знаменитая леди Годива? – с легкой, издевательской улыбкой, громко поинтересовался Леонардо.

– Да, – еле слышно выдохнула девушка, ошеломленно глядя на мужчину. Это лицо...

Улыбка Леонардо превратилась в оскал.

– Я очень ждал с вами встречи, леди, – вежливо-ледяным тоном, в котором, впрочем, сквозили высокомерные нотки, сообщил мужчина. Он прошелся по девушке уже нарочито медленным, от макушки белых волос до ног, взглядом. И по мере его продвижения Годива все больше и больше покрывалась стыдливым румянцем.

Другие воины, наблюдавшие за этой картиной, обменялись многозначительными ухмылками. Они тоже ожидали этой встречи, желая собственными глазами увидеть, как поступит их предводитель, когда встретится с той, которая оскорбила его. Воины помнили, тот день, когда их лидер, прославленный нормандец Леонардо, получил то злополучное письмо. Мужчины не знали его содержания, но увидели холодную ярость предводителя, и, уж, без сомнения, слышали его злой крик: «Я проучу эту саксонскую гордячку, и она ответит за каждое своё высокомерное слово».

Правда, понадобились время и силы, чтобы добраться до Уэльса. Огнем и мечом, угрозами и наказанием, прошла армия Леонардо по юго-западу Англии. Эта часть страны наиболее агрессивно восприняла смену власти и нового короля в лице Вильгельма Завоевателя. Если Лондон и прилегающие к нему земли, смиренно согласились на то, что на трон взошел нормандский герцог, то, чем дальше было от центра, тем сильнее ощущался дух сопротивления.

Уэльс был одним из них.

Когда – то эти земли были местом обитатели кельтов. Народа, древнего, известного своими друидами, легендами и тем, что суровые кельтские воины оказывали достойное сопротивление викингам, а еще раньше – римским завоеваниям.

Их время ушло.

Пришёл черед новых завоевателей.

Годива смотрела на мужчину и ощущала каждой клеточкой своего тела подавляющую, тяжелую энергию, исходившую от него. Его лицо – словно высеченное из скалы, было

из сплошных резких линий. Острый, прямой нос, жесткие губы, густые брови, сдвинутые на переносице, и взгляд – не предвещавший ни понимания, ни добра. Мрачный, жестокий, холодный. Удивительно, как мог измениться человек...

– Прошу за мной, леди Годива, – процедил сквозь стиснутые зубы Леонардо.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Годива зашла внутрь палатки. Аромат – смесь хвои, мускуса и вереска зашекотал ей нос. Девушка, опасаясь чихнуть, спешно потерла нос холодными пальцами и огляделась по сторонам – темные стены палатки чуть дрожали от ветра, но для пленницы они казались огромными челюстями, готовые вот-вот сжать её тело. Она, не смея сделать еще один шаг, остановилась.

Высокая мужская фигура полуобернулась, раздался тихий приказ:

– Пройди дальше.

Девушка тихо вздохнула. Этот мужчина пугал её сильнее всех. Даже не повышая голоса, он был способен вызвать такой прилив чувств, что это обескураживало Годиву.

Она замешкалась, и тут же до её ушей донесся холодный голос:

– Пройди, если не хочешь, чтобы я приволок тебя.

Годива, слух которой резануло от столь грубого тона, сделала четыре шага вперед и остановилась. Расстояние между ней и Леонардо заметно сократилось. Мужчина, оперев руки в бока, уставился на неё откровенно наглым взглядом. Девушка, заметив это, отвела взор в сторону. Глаза её заметили одеяло, брошенное на полу. Рядом лежал меч. На его лезвие засохли тёмные капельки крови.

Почему-то легким не хватало воздуха. Захотелось выбежать наружу, подальше от этого человека. Захотелось задышать полной грудью. Сердце снова учащенно забилося, напоминающая девушке, что пора бы перестать задерживать дыхание (оказывается, все эти секунды, она не смела дышать). Годива резко втянула в себя воздух и ощутила, как он обдал прохладой её грудь. От его резкого притока, у девушки все поплыло перед глазами. Она качнулась, но устояла на ногах.

Леонардо, заметив состояние пленницы, нахмурился и задался вопросом – а не разыгрывает ли та перед ним роль несчастной, невинной жертвы? Уж слишком хорошо мужчина был сведущ в играх женщин. Порой, при дворе короля творилось такое, что Леонардо все больше приходил к выводу, что легче, проще и честнее, быть в бою, нежели в обществе дворцовых интриганок.

Ощущая подкрадывающееся раздражение (причину появления которого мужчина никак не мог отследить), Леонардо открыл небольшой сундук и извлек из него письмо. Разворачивая его, воин продолжал смотреть на Годиву – она, уже побледневшая, нервно сжимала ладони. Ясно, что боится, ведь знала, что в этом письме.

С холодной усмешкой на губах, Леонардо протянул чуть смятый пергамент девушке и произнес:

– Прочти вслух.

Женские пальцы, чуть подрагивая, взяли письмо. Пергаментная бумага казалась тяжелым грузом. Годива, устремив взор на крючковатый почерк, нервно сглотнула. Мельком глянув на мужчину, и уловив в его мрачно-чёрных глазах приказ, девушка начала читать:

– Ваше предложение о том, чтобы я стала вашей женой, вызвало у меня смех. Как? Как это возможно, чтобы я – Годива, из благородного саксонского рода, девушка, о красоте которой идет молва по всей Англии, согласилась на столь отвратительное предложение? Столь гнусного предложения я еще не встречала никогда. Стать женой нормандской собаки, разделить с ним ложе – сама мысль об этом вызывает у меня приступ рвоты. Не бывать такому! Ты слишком высокого о себе мнения, нормандский пёс. Мне не нужно ни твоё имя, ни твоё ущербное семя, ничего от тебя. Будь ты проклят и умри в позоре.

Голос Годивы оборвался, а руки еще сильнее задрожали, задрожало с ними и письмо. До сегодняшнего момента она не знала его точного содержания. Эрик что-то говорил, что

жестко отказал нормандскому льву на его предложение о заключение союза, но девушка и подумать не могла, что её родной брат, от её имени, напишет такое.

Это было унижительное оскорбление.

И теперь, зная, кто именно нормандский лев, Годива уже не хотела скрывать правды. Только не от него.

– Я не писала этого письма, – стараясь говорить твёрдо, и, всё-таки, ощущая в голосе предательское волнение, произнесла девушка.

Леонардо окинул Годиву взглядом, в котором явственно читалось презрение к ней. Какая! Неужели думает, что за её красивое лицо он простит это оскорбление? Мужчина цинично усмехнулся – он не был из тех, кто смягчался от красоты женщины.

– Не писала? – Леонардо подошел к Годиве – столь близко, что теперь девушка смогла уловить не только тепло, исходящее от его тела, но и личный, чисто мужской аромат – смесь из кожи и что-то из трав. Резкий, бодрящий запах. Она смутилась их близостью и попыталась сделать шаг назад, но не успела – жесткие пальцы воина схватили Годиву за правое плечо.

Её будто обожгли. Нет, мужчина не сделал ей больно, но его пальцы словно горели огнем и прожигали ей руку.

– Не писала? – повторил Леонардо. – Кому принадлежит эта печать?

Он ткнул пальцем в переплетенные меж собой лилии.

– Моей семье, – сглотив, выдавила из себя Годива.

Мужчина – теперь уже взглядом – обжег девушку.

– Тогда это письмо написано тобой, – выплевывая слова, сообщил он.

– Нет, я не писала его, и я не знала о том, что именно в нем написано, – пытаюсь справиться с тяжелым взором Леонардо, ответила Годива.

– Лгунья, – прошипел мужчина, осуждающе качая головой.

– Я не лгу, – Годива ощущала колоссальное напряжение на своем лице – это Леонардо буравил её своим взором. Обладай мужчина даром делать отверстия одной силой своего взгляда – на девушке было бы уже полно дыр.

– Я никогда в жизни не лгала, – тихо ответил Годива.

Леонардо сжал челюсти. Только посмотрите на неё – святая невинность! Эти голубые глазки – смотрят искренне, это лицо – открытое, доверчивое. А голос-то! Полный смирения.

Мужчина разжал пальцы и шагнул в сторону. Теперь Леонардо уже не смотрел на девушку. Она слишком раздражала своим присутствием и одновременно, против воли, притягивала его взгляд. Как будто что-то знакомое, близкое, мелькало на её светлом лице. Непонятные воспоминания, которые воин никак не мог собрать в одну картинку, вызывали беспокойство и желание разгадать эту загадку. Что бы потом уже не думать о ней.

Годива так и стояла на месте, не зная, чего ожидать от мужчины. Он был непредсказуем для неё. Каких-то эмоций от него она не чувствовала. Только подавляющую энергию. Она, как туманом, окутывала её, поглощала и лишала остатков и без того слабой решительности.

– У тебя хорошо получается играть роль невинной овечки, – скривив губы в усмешке, заметил Леонардо, вновь окидывая пленницу холодным взглядом. Она даже передернула плечами – так зябко ей стало.

– Но, как ты знаешь, овечек часто приносят на заклание, – продолжил воин. Его глаза – чёрные, как небо в безлунную, самую темную ночь, наблюдали за Годивой.

Хоть девушка и была юна, она понимала, на что намекал мужчина. Наказание. Ей придется понести его. При мысли об этом, холодок пробежался меж лопаток белокурой красавицы, а по рукам стали расползаться мурашки.

– Хорошо, – прерывистым голосом выдохнула она ответ, – хоть я и не писала это письмо, я готова понести наказание.

Годива, подтверждая сказанное, сделала шаг в сторону Леонардо.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Черные брови еще сильнее сошлись на переносице. Леонардо поджал губы. Покорность, даже можно было сказать, жертвенность этой саксонки пробудила в нём мысли, которые аккуратно стали подтачивать непоколебимую уверенность в том, что Годива виновна. Виновные себя так не ведут. Они падают на колени, заливаются слезами, рвут на себе волосы, дают клятвы – снова и снова, все весомее и весомее – по мере приближения наказания.

А девушка... хоть глаза и поблескивали от слез (а может, это был просто столь яркий оттенок?), однако она не сделала ничего из вышеперечисленного. Стояла, молчаливо глядя на него, готовая понести справедливое наказание.

Только каким оно должно быть?

Леонардо твердо знал, что накажет высокомерную гордячку. Она ведь оскорбила не только его, но и короля – нормандский лев был его верным вассалом. Именно Вильгельм отдал приказ утихомирить Уэльс, а лучшим способом для этого стало то, чтобы Леонардо взял в жену леди Годиву. Красивая, благородная саксонка, король счел эту идею превосходной наградой для своего преданного воина.

Однако письмо – написанное в грубой, грязной форме немного изменило планы Леонардо. Нет, жениться он так и так не хотел. Но понимал – рано или поздно, ему придется, для укрепления собственной власти, осесть в замке и занять наследника.

Быть может, будь отказ написан в вежливой форме, Леонардо бы так не разозлился. Но то, что он прочел, являлось не только унижением, но и вызовом, который мужчина, будучи настоящим воином, принял. И вот теперь, когда расстояние было преодолено, большая часть мятежников подавлена, перед ним стояла та самая цель, к которой Леонардо шел все это время.

Вот только он понятия не имел, каким образом наказать леди Годиву. Будь перед ним мужчина – все было бы значительно проще. Самое меньшее, что Леонардо сделал – высек бы того до полусмерти. Но перед ним была женщина. Пусть и юная, но...

Что ему делать? Как сдержать слово, данное самому себе? Обещание, которое слышали его приближенные воины? Он всегда сдерживал слово. Леонардо стиснул челюсти. Будто сам себя загнал в ловушку! Теперь еще и страдает от этого! Не бывать такому! Мужчина смерил девушку расчетливым взглядом, а потом – сообщил ей:

– Тогда идем за мной.

Годива проглотила ком в горле. Ничего хорошего не предвещало сказанное Леонардо. И все равно, в глубине своего юного сердца, девушка верила – мужчина не причинит ей вреда. Не мог сделать с ней такое. *он*

Не потому что Годива была глупой и свято верила в благородство мужчин. Нет. Но этот человек... В голове, а еще больше, в глубине сердца не складывалась картина, что Леонардо способен быть жестоким к ней.

Ну, не убьет же он её?

Уверенность стала медленно покидать Годиву, как только девушка, последовав за Леонардо, вышла из палатки. Их появление мгновенно привлекло внимание воинов. Еще бы, не заметить своего предводителя, рядом с которым, как прекрасный призрак, шла саксонская гордячка.

Порывистый, пропахший запахом костра и свежестью леса, ветер подхватил белокурые волосы девушки и накинул их ей на лицо. Годива дрожащей рукой отвела их в сторону. Все свое внимание красавица сосредоточила на широкой спине Леонардо. Тяжко было ощущать на себе чужие взгляды – и хотя девушка не смотрела на лица мужчин, она явственно чувствовала насмешку, презрение и еще что-то такое, от которого щеки её все розовели и розовели, делая образ Годивы привлекательнее и манящее.

Воины, хоть и пытались держать себя в руках (все-таки, годы дисциплины сыграли не последнюю роль в этом), но глаза их – буквально пожирала леди Годиву. Высокая, статная, с белоснежной кожей, с лицом, светом своим превосходящим лунное сияние, она была прекрасна. Вообще, всякая женщина была хороша для воина – и чем больше тот был на службе, тем сильнее повышалась её привлекательность.

Но эта саксонка...

Она была чем-то эфемерным, волшебным чудом.

Некоторые из воинов испытали чувство сожаления, что столь прекрасная девушка подвергнется наказанию со стороны предводителя. Неужели у того не дрогнет рука?

Другие же, предвкушали развитие событий, в котором их лидер непременно проучит эту красавицу, чтобы той больше было неповадно отказывать ему.

Остальные – сохраняли что-то, вроде нейтралитета – с одной стороны поддерживали решение Леонардо, с другой – не желали насилия по отношению к белокурой саксонке. В любом случае, решающее, единственное слово было за нормандским львом.

Леонардо шел впереди. Его походка была уверенной и стремительной, и Годива, со своими пораненными коленями, едва поспевала за ним. Кожа на месте удара об камень горела огнем, будто резали ножом по ней. Девушка сглатывала слезы. Она не хотела плакать при всех. Не хотела показать свой страх. А он снова стал подкрадываться к ней, принося с собой разные картинки наказания.

Сколько девушка так шла, она не знала. Все прониклось болью и переживаниями, время стало странно течь – не ощутимо, не осязаемо, непонятно. Наконец, Леонардо остановился – пришлось, не без некой толики облегчения (из-за ран на коленях) остановиться и Годиве. Она старалась не думать, что скоро последует за этим недолгим «отдыхом». Девушка посмотрела вдаль – на горизонте тьма уже распростерла свои крылья. Совсем скоро ночь примет мир в свои объятия. Скоро этот мучительно долгий день закончится.

Пленница обвела медленным взором пространство. Место, куда привел Годиву Леонардо, было центром лагеря – вокруг расположились палатки и костры. Они освещали предводителя и его пленницу мистическим светом. Действительно, будто на алтарь привел её, чтобы принести в жертву...

Девушка обхватила себя за плечи. Скорей бы все закончилось. Ожидание наказания – само по себе вызывало мучения. Так пусть оно уже свершится! Даже если она не виновна. Даже если будет больно, Годива не намеревалась выдавать Эрика – тогда, тому точно не жить. Он и так настрадался в жизни, так пусть...

Девушка не успела завершить свою мысль, как властный мужской голос, подобно удару хлыста, разломил вечерний воздух.

– Мои воины, – начал Леонардо, и его люди замерли-затаили дыхание, ожидая вынесения приговора.

Годива тоже устремила все свое внимание на нормандского льва – он стоял, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Давящий, неприступный и высокомерный. Их глаза встретились. Ледяными иглами впился взгляд Леонардо в снова побледневшее лицо девушки.

– Подойди, – резко бросил мужчина.

Годива, вздрогнув от такого обращения, выполнила приказ. Каждый её шаг отдавал громким гулом в голове. Каждый шаг был подобен тому, будто девушка шла по раскаленным камням. Так больно было ей.

Она остановилась в двух шагах от Леонардо, и все равно, для Годивы это было слишком близко. Слишком интимно. Мужчина продолжал раздавливать её своим взглядом. Создавалось впечатление, что еще чуть-чуть, и девушка лишится остатков сил.

Невольно, Годива скользнула взглядом в поисках кнута. Почему-то теперь, мысль о том, что её высекут, была почти естественной. Все лучше, чем смерть для брата. Так думала

Годива – ни разу в жизни не испытывавшая на себе удара кнута. А любовь к брату и понимание того, что таким образом она защищает его, не позволяли девушке разрыдаться от страха.

А страшно, конечно, было.

– На колени, – угрожающе – тихо, приказал Леонардо.

У Годивы перехватило дыхание в груди. На колени? Неужели, это то, что она думает? Неужели за это письмо её ждет такая расплата? Этот мужчина станет её палачом и своим мечом лишит головы?...

Девушка, не сводя взгляда с ничего не выражающего лица Леонардо, опустилась перед ним на колени...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Он смотрел на светлую макушку. Голова девушка слегка подрагивала. Мужчина уже не видел выражения её лица – секундами ранее, саксонская гордычка покорно опустила глаза, готовая смиренно принять свою участь.

Она казалась белым лебедем. Нежным, беззащитным. От этого сравнения у Леонардо свело скулы. Что за глупость он сейчас подумал? Пора заканчивать с этим.

– Эта женщина, – продолжил нормандский лев, – нанесла мне оскорбление.

Он замолчал, обводя медленным, удушающее тяжелым взором, своих людей. Убедившись, что его слушают предельно внимательно, Леонардо произнес:

– Поэтому, леди Годива, прилюдно попросит у меня прощения и присягнет мне на верность.

Она запрокинула голову. Смятение, непонимание, недоверие – отразились на лице девушки. Леонардо поймал её взгляд. В его черных глазах, на долю секунды, что-то вспыхнуло – и тут же угасло.

Воин протянул правую руку, размещая её прямо перед лицом саксонки. Она перевела взор на мужскую ладонь. Широкая, с длинными пальцами. Смуглая кожа, кое-где покрытая плоскими шрамами и темными волосками. Рука воина.

Сердце, усиленно отбивая ритм, будто подпрыгнуло до самого горла девушки. До неё стал доходить смысл услышанного. Попросить прощения, и только после – присягнуть на верность. Рука воина оказалась не просто так рядом с её лицом. Пришло время ответить за оскорбление.

Подрагивающие от волнения, прохладные пальцы Годивы прикоснулись к мужской руке. Кожа на ней оказалась такой грубой, шершавой! Не выдержав взгляда Леонардо, ощущая обжигающий стыд от всего происходящего, девушка произнесла:

– Прошу простить меня, – она, зажмурив глаза, припала губами к теплой мужской ладони, и, понимая, что это еще не все, спешно добавила:

– Мой лорд.

Она подняла на Леонардо влажные от слез, глаза, продолжая:

– Присягаю вам на верность.

Краткое предложение, вмещавшее в себе груз ответственности. Годива понимала, что взяла его на себя. Теперь, пути назад уже не будет. Да и не хотелось ей возвращаться назад, ничего хорошего там не было.

Родители умерли давно, опеку над ней и братом взял дядюшка, забрал детей сестры в Уэльс. Старый замок из дерева только с виду казался неприступным, а на деле – то там, то здесь, имелись в нём дыры, которые старались спрятать гобеленами. Крыша в одном месте так прохудилась, что когда наступал сезон дождей, слуги только успевали выливать ведра с водой.

Дядюшка умер, оставив в наследство старый замок и таких же старых слуг. Эрик, как старший брат, пытался взять на себя, казалось бы, непомерно тяжелый груз...

Нормандское завоевание, начавшееся в 1066, оказывало существенное влияние на Англию. Большая часть саксонского цвета погибла в битве при Гастингсе, те же, кто уцелел – либо присягнули на верность новому королю, либо перебрались подальше от центра страны – и для многих этим пристанищем стал Уэльс. Эрик обзавелся друзьями, жизненная цель которых заключалась теперь в том, чтобы свергнуть Вильгельма. В отличие от самого Эрика, его приятели имели кое-какое наследство, а так же умели неплохо владеть мечом. Поэтому, последние полтора года молодой мужчина проводил с ними все больше и больше времени, проникаясь идеей сопротивления «проклятым нормандцам».

– Поднимись, – голос Леонардо вывел Годиву из некоего оцепенения.

Она попыталась встать, но раны в коленях столь сильно разболелись, что девушка, не сдержавшись, ахнула, так и не поднявшись. Мужчина недовольно поджал губы. Не желая больше тратить времени, он взял девушку за ладонь и потянул её на себя, помогая встать.

– Я принимаю твои слова и твою клятву, – произнес Леонардо так громко, чтобы его решение слышали все.

Годива слабо качнула головой. Перед глазами, от боли и переживаний, все поплыло. Нет, она не собиралась падать в обморок, просто ощущала себя обессиленной, опустошенной. Хотелось куда-нибудь спрятаться, чтобы «залезть раны». Девушка еще не сообразила, что еще ждать, как Леонардо сообщил своим зычным голосом:

– Отныне – леди Годива принадлежит мне.

Одобрямый гул прошелся среди воинов. Еще бы, это было ожидаемо, что такую красавицу их предводитель просто так не отпустит. Каждый бы мечтал, чтобы их постель согревала такая женщина.

– Идем, – Леонардо направился, было, вперед, но успел краем глаза заметить, с каким трудом девушка переставляет ноги.

– Что с тобой? – недовольно спросил мужчина. Лицо Годивы, на миг, исказилось от боли, но девушка мужественно ответила:

– Ничего такого.

Она не хотела жаловаться.

Наконец, вниманием Леонардо удостоились ноги девушки. Точнее – её колени. Мужчина заметил пятна крови на платье. Увидел и мученическое выражение лица красавицы. Он подошел к ней вплотную, своей фигурой нависая над Годивой.

– Я расшибла колени, – понимая, что Леонардо ждет от неё ответа, сказала девушка.

Мужчина раздраженно выдохнул. Затем, не теряя времени, подхватил свою пленницу на руки. По лицам воинов поползли довольные ухмылки. Каков их предводитель! Как быстро усмирил саксонскую гордычку!

А Годива же, чувствуя, как с каждым шагом Леонардо, её щеки все сильнее покрываются румянцем, смущенно прикрыла глаза. Господи, какой стыд! И еще сильнее было стыдно от того, что ей было спокойно в руках этого мужчины.

Леонардо опустил Годиву на одеяло. Убрал в сторону меч и, не сводя холодного взгляда с девушки, ухватил за подол платье, говоря голосом, не терпящим возражения:

– Что у тебя тут?

Годива не успела сообразить, как Леонардо стал задира́ть юбку платья.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

– Не надо, – Годива вцепилась пальцами в платье.

– Мне нужно посмотреть, – спокойным тоном ответил Леонардо. Он видел испуг и стыд на лице девушки, но это никак не могло его остановить в данной ситуации.

– Я сама, – она еще сильнее ухватилась за плотную ткань.

Время уходило. Мужчина терпеть не мог тратить его зря.

– Поверь, я и не такое видел, – заметил он, затем, видя, что это не сработало, добавил:

– Не беспокойся, я всего лишь осмотрю твои раны. Но если ты будешь мешать, мне придется связать тебя.

Годива обреченно выдохнув, разжала платье и скрестила руки на груди. Леонардо бросил на лицо девушки взгляд. Вновь оно показалось ему знакомым. Где он мог видеть её? Мужчина стянул кремового цвета чулки с ног пленницы. Хотя он старался делать это аккуратно, Годива несколько раз ойкнула-вздохнула от боли.

Глазам Леонардо предстали стройные, длинные ноги пленницы. Ровная, белая кожа – удивительно мягкая на ощупь. Его собственная кожа по сравнению с ней была как кора дерева – грубая, жесткая. И рука Леонардо – на фоне обнаженной женской голени, была похожа на лапу зверя. Чёрное на белом.

– Так, – выдохнул мужчина, разглядывая окровавленные колени, – раны нужно обработать.

Он резко поднялся на ноги, у выхода из шатра крикнул воину, и вскоре вернулся с чашкой горячей воды. Отыскал в сундуке чистую рубаху и, недолго думая, оторвал от неё край. Все его действия были ловкими, сосредоточенными – мужчина делал это не раз.

Годива наблюдала за Леонардо с молчаливой покорностью на бледном лице. Но, стоило только воину сесть рядом с ней, как прилипчивый румянец снова начал окрашивать щеки девушки в розовый цвет. Смочив тряпку в горячей воде, Леонардо выжал её и промокнул правое колено Годивы.

Шипящий вздох сорвался с губ девушки, как только влажная ткань коснулась её раны. Мужчина посмотрел на Годиву – та чуть прикрыла веки. И все равно, воин успел заметить стоящие в глазах слезы. Он, продолжая обрабатывать рану, видел, как дергается девушка. Она даже прикусила нижнюю губу. Но не отпрянула от него. Держалась.

Ему-то, Леонардо, прошедшему годы в боях и получившему достаточно ранений, разбитые колени казались всего лишь укусом комара. Но воин осознавал, что перед ним сидит женщина. И этим было все сказано. Нельзя требовать от неё то, что под силу мужчине. И все равно, глядя на то, как Годива стойчески пытается скрыть свою боль, Леонардо, против своей воли, ощутил к ней что-то, близкое к уважению.

Закончив промывать раны, мужчина достал из небольшого сундучка склянку с полупрозрачной жидкостью. Он предельно тщательно смазал ей колени девушки и произнес:

– Эта целебная настойка поможет быстро затянуться твоим ранам. Держи ноги в сухости и чистоте.

Она качнула головой и, прошептав: «спасибо», спешно спрятала ноги под юбкой платья.левой рукой подтянула свои чулки – глянула – испорчены, порваны. Придется выкинуть. В чем ей теперь ходить? Как быть? Что делать? Все вопросы стали давить на сознание девушки. Годива, сжавшись в комок, пыталась прогнать внезапно подкатившую тоску.

Леонардо, ни слова не говоря, вышел из палатки. Сколько его не было – девушка не знала. Утомленная переживаниями этого дня, пленница погрузилась в дрему. Вроде бы, и не спала полностью, но и ощущения были такие, будто душа её уже не здесь. Еще чуть-чуть, и провалилась бы в объятия глубокого сна.

Что-то упало на пол. Девушка, чуть приподнявшись, посмотрела вперед, в поисках причины грохота. Внизу лежала кольчуга, над ней возвышался Леонардо. Мужчина, стоя спиной к пленнице, раздевался. Теперь полетел вниз подкольчужный кафтан. Глазам Годивы предстало полуобнаженное мужское тело. Она затаила дыхание. Видеть полуголого мужчину приходилось ей впервые.

Сильные, натренированные мышцы перекатывались под смуглой кожей, пока Леонардо протирал себя смоченной в воде тряпкой. Эти руки... Годива задержала на них взгляд. По мужски красивые, внушавшие какой-то странный трепет и сладкий страх. Она помнила их. Даже спустя столько лет, Годива помнила их, а недавнее пребывание в вынужденной близости с Леонардо лишь усилили эти воспоминания. И тогда, и сегодня, она ощущала себя в *безопасности*.

– Сколько тебе лет? – грубо бросил мужчина, подхватывая вещи с пола и закидывая их в сторону. Снова раздался приглушенный шум.

– Семнадцать, – аккуратно обхватывая себя за ноги, ответила Годива.

– Юный ягненок попал в лапы льва, – окинув, через плечо, задумчивым взглядом девушку, многозначительно заметил мужчина.

Пленница сдавленно сглотнула. Во рту все пересохло. Она до конца не понимала всего того, что скрывалось во фразе Леонардо, и только внутреннее чутье шепнуло ей, что стоило бы быть осторожнее.

– Ты вела себя сегодня храбро, – заметил мужчина, поворачиваясь к пленнице и впиваясь оценивающим взором в её взволнованное лицо. Глаза девушки чуть поблескивали. Среди полутьмы, рассеиваемой лишь тусклые сиянием лампад, лицо и глаза Годивы были наполнены мягким светом. Это притягивало внимание.

От его слов девушка почувствовала, как руки-ноги покрылись мелкой дрожью. Как это возможно? Одним предложением привести её в такое состояние. Ни одна мысль не шла на ум Годивы. Не знала она, что ответить, да и нужно ли было это?

К тому же, полуобнаженный вид мужчины просто вводил её в ступор. Не привыкла леди видеть такое. Она, смущаясь, отвела взгляд в сторону. Леонардо, заметив это, цинично усмехнулся. Молодая. Что ж поделать. Ему-то было значительно больше – 30.

Между ними была разница в 13 лет и целый мир, разделенный войной – саксонский и нормандский. Мир юной девушки и мир закаленного в боях воина. Мир невинной души и души, утопающей в крови врагов.

Сейчас, глядя на белокурую пленницу, которая по праву принадлежала ему, Леонардо не знал, что с ней делать. Женщине здесь не место – определено. Она будет мешать, отвлекать, забирать внимание. Выдать, что ли, её замуж за одного из своих воинов? Определено, желающих будет тысячи. Кто ж откажется от возможности обладать такой юной красавицей?...

Сама идея казалась неплохой, но слово «обладать» отчего-то вызывало протест в душе. Может, потому что Годива оказалась моложе, чем он думал? Воин ехал, представляя в своем сознании уверенную в себе, горделивую, холодную и высокомерную красавицу, знавшую себе цену. Такая вряд ли бы стала целовать руку нормандцу – скорее бы, плюнула в лицо.

Либо леди Годива оказалась не той, которой он представлял, либо она умело играла только ей понятную игру. От последней мысли стало противно. Она была не очень-то и правдоподобной, но имела место быть! Никогда не узнаешь, где встретишь своего врага – на поле боя или на ложе.

Решив, что ему нужно время на то, чтобы понять, что делать с пленницей, Леонардо медленно, с удивительной грацией для его роста, опустился на одеяло – и лег рядом с девушкой. Годива мгновенно сжалась и откатилась на самый край, чуть ли не сползая с шерстяного одеяла. И все равно, пленница каждой клеточкой чувствовала тепло, исходящее от сильного тела воина. Слышала его дыхание. Ощущала личный, мужской аромат. Теперь она не сможет

заснуть. Расширяющимися от волнения глазами, девушка уставилась на смуглое, обветренное лицо своего господина.

Он тоже не спал. Молчаливо вглядывался в юное лицо, без труда отмечая все перемены, творившиеся в душе Годивы. Все это без труда отражалось в ясных, голубых глазах. Её ресницы дрожали, дыхание то замирало, то учащалось, щекоча ему щеку. Дыхание Годивы, между прочим, было свежим, приятным. И это мешало.

– Годива, – вкрадчивым голосом позвал Леонардо, и пленница настороженно приподняла голову. Белокурая прядь волос упала ей на лицо, и девушка медленно отвела её в сторону. Простое движение, но какое утонченное. Так, просто замечание.

– Годива, – продолжил мужчина, и глаза его уставились в одну точку. Он даже не моргал. Словно взглядом пытался проникнуть в душу. – Почему ты не призналась, что письмо написал твой старший брат?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Годива испуганно моргнула. Обхватила свои плечи, пытаясь обрести спокойствие. Но как сделать это? Когда черные, властные глаза впиваются в тебя, пытаются залезть под кожу, стремятся завладеть тобой?

– Откуда...? – напряженно выдохнула девушка.

Губы Леонардо дрогнули в циничной усмешке.

– Это оказалось не так сложно узнать, видишь ли, твои старые слуги, вернее, старик-управляющий, любят тебя больше, чем молодого господина. Он-то мне и поведал о том, как твой братец написал мне письмо. В написании ответа, помогала пара друзей, и кувшин вина.

– Бедный Уорик, – сокрушенно прошептала Годива. Себя она и не думала жалеть, потому спросила:

– Уорик, управляющий, он жив?

– Жив, – сухо ответил мужчина.

Не был Леонардо из тех, кто пользовался намеренно своей силой против слабых. Женщины, дети, старики... разве это достойные соперники? Это те, кто нуждался в защите, а не нападении. Хотя, во время военных походов случалось всякое. Не всегда все было гладко, не всегда соответствовало внутренним правилам Леонардо. Среди нормандцев, впрочем, как и среди любого другого народа, были и благородные мужчины, и гнусные негодяи, заслуживающие самой позорной смерти.

Мужчина перевернулся на спину и прикрыл потяжелевшие веки. Устал. Нужно было успеть выспаться за три-четыре часа, что у него имелись в запасе. Уже на рассвете он и его люди снова отправятся в путь.

Годива, не шевелясь, смотрела на профиль Леонардо. Снова убеждалась, что на лице воина не было ни одной мягкой линии. Однако все это – острый нос, резкие, будто высеченные умелым мастером, губы, скулы – все было гармонично и отвечало такому понятию, как «хищная красота». И вроде этот хищник спал (или делал вид, что спит?), но спокойнее от этого не становилось. Не страшно было, а волнительно находиться поблизости с ним.

– Спи, – послышался негромкий голос Леонардо, но и в нем явственно ощущался приказ. – На рассвете мы уезжаем.

И больше – ни единого слова. Только дыхание – ровное, спокойное, и даже оно, казалось, подавляло Годиву – та, все еще лежа на боку, боялась сдвинуться с места.

Чего боялась – сама не знала. Уж точно не насилия со стороны Леонардо. Не такой он человек. И хотя говорят, что люди меняются, но то, что она видела в его черных глазах, тогда, много лет назад, не могло уйти. Что-то остается неизменным. Рассуждая об этом и от того успокаиваясь, Годива, незаметно для самой себя, погрузилась в сон. В эту ночь ей ничего не снилось.

– Просыпайся прямо сейчас, если хочешь успеть справиться со всеми своими делами, – прогремело где-то над головой Годивы.

Девушка испуганно распахнула глаза – и замерла. Над ней возвышался хмурый мужчина – его черные глаза выражали недовольство, как и плотно поджатые губы. Ни тени улыбки или доброжелательности на лице воина. Годиве повезло – она была не из тех, кто долго приходит в себя после сна. Ясность сознания быстро вернулась к ней, вчерашний день молнией пронесся в голове белокурой красавицы. Годива поднялась на ноги. Голова чуть закружилась – то ли от того, что резко встала, то ли от того, чтобы последний раз девушка ела прошлым утром.

Леонардо кивнул в сторону кувшина с водой, подле него стоял хорошо знакомый Годиве сундук. Старый, с потертой крышкой и помятой стенкой, он принадлежал ей.

– Можешь переодеться, – произнес мужчина. Убедившись, что девушка точно проснулась – он решительным шагом покинул палатку. Воин не намеревался наблюдать за тем, как Годива будет раздеваться. У него было полно более важных дел.

Теряясь в догадках, когда и каким образом её сундук оказался здесь, девушка стала торопливо переодеваться. Теплые чулки, шерстяное платье и накидка оказались как нельзя кстати. Только бы никто не зашел сюда! Годива, не сводя глаз с выхода из палатки, сменила одежду. Лишь когда девушка затянула поясок своего платья, только тогда она смогла немного перевести дух.

– Ты готова? – раздался уже столь хорошо знакомый голос снаружи.

– Да, – девушка закрыла сундук и провела ладонями по плотной ткани платья.

Леонардо заглянул внутрь. Взгляд мужчины скользнул по пленнице – на ней было простенькое платье, которое, впрочем, никак не умоляло красоты своей хозяйки.

– Идем, – властно махнув рукой, позвал воин.

Годива послушно пошла к нему. И мысли не было отказать. Подойдя, встала напротив, ожидая. Чего именно – понять не могла. Взор Леонардо путешествовал по лицу девушки – нежная кожа без изъяна, невинный, сладкий, как спелое яблоко, румянец на щеках. Ясные голубые глаза смотрят доверчиво. Ни злости в них, ни затаенной жажды отомстить. Любопытно, как долго она пробудет в таком состоянии? Ждать осталось совсем недолго.

– Идем, – повторил мужчина.

Годива вышла наружу. Кругом уже царил суета, лагерь сворачивался, воины сновали то там, то тут. Но не это заслуживало внимания. Девушка, почуввав неладное, повернулась в другую сторону и ахнула от потрясения...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Оранжево-чёрное пламя, выпуская клубы дыма, пожирало замок.

Тот замок, в котором последние 9 лет жила Годива, на её глазах превращался в обуглившееся уродство. Черные стены, черная крыша, жадные языки огня... Все это сопровождалось скорбным треском и усмехающимися голосами других воинов. Ветер донес до девушки удушательный запах гари. Она, закашлявшись, обхватила себя за живот, сдерживая внезапно подкатившую дурноту. Глаза защипало – от слез ли, или от резкого запаха.

– Зачем? – повернув голову в сторону Леонардо, который тоже смотрел на разгорающийся костер, спросила девушка.

Воин перевел взгляд на Годиву – её голубые глаза приобрели другой оттенок: они стали похожи уже не на ясное утреннее небо, а на воды океана во время дождя – только вместо дождя были слезы.

– В наказание твоему брату. Ему не останется ничего, – глаза Леонардо превратились в полыхающие угольки, – пусть прячется дальше, трус.

– Он не трус, – по привычке стала защищать брата Годива.

Никогда она не думала о нем так. Эрик просто был особенный, ему жилось непросто. Болезненный, часто хворавший мальчик, всегда требовал к себе особого внимания. Несмотря на то, что Годива была младшим ребенком, именно Эрику досталась большая часть любви матери и отца. Можно было даже сказать – она досталась ему сверх меры. Только любовь эта была слепая, и вместо того, чтобы сделать мальчика сильным духом, испортила его и взрастила в нем многочисленные пороки.

– А как назвать человека, который бросил свою младшую сестру на растерзание нормандцам? – с холодной усмешкой заметил Леонардо.

Она переменялась в лице. Было видно, что подобная мысль еще не приходила ей в голову.

– Но меня не растерзали, – неуверенно заметила Годива.

Она смотрела на Леонардо своим невинным взглядом, вызывая у него... Нет, не умиление, а раздражение. Ему захотелось спустить девушку с небес на землю.

– Тебе повезло, что приехал я, а не кто-либо другой, – склонив голову к пленнице, сообщил мужчина. – Будь это другой человек, ты бы уже давно была обесчещена и, может даже, убита. Как и твои старые слуги. Их бы сожгли живьем.

Он хотел привести леди Годиву в чувства. И, вроде, у него это получилось. Только почему тогда при виде её изменившегося лица – побелевшего, застывшего в маске ужаса, ему стало так тягостно в груди?

– Эрик не бросал меня, он поехал за подмогой, – еле шевеля языком, ответила девушка.

Леонардо ничего не ответил. Не стал говорить о том, что причинило бы Годиве еще больше боли. Она не готова была услышать. Оно и понятно – трудно признать, что твой родной человек, брат, предал тебя. Ведь от этого знания перевернется весь, некогда иллюзорно безопасный мир.

Вместо того, чтобы тратить время на бессмысленный разговор, Леонардо, резко подхватив девушку, усадил её верхом на своего коня. Годива, удивленная, огляделась по сторонам – не понимая, каким образом это животное оказалось здесь. Погруженная в свои переживания, девушка просто не заметила, как верного коня привел один из воинов.

Теперь, восседая верхом на животном, Годива явственно ощущала интерес к собственной персоне со стороны других мужчин. Нет, воины не разглядывали её в открытую, но то и дело, бросали в сторону прекрасной пленницы взгляды – любопытные, оценивающие, задумчивые, полные презрения или сочувствия.

Щеки девушка стали медленно покрываться жгучим румянцем. Он стал еще сильнее, когда один из воинов, понимающе улыбнувшись, зашел в палатку и вернулся оттуда с сундуком Годивы – его погрузили в одну из телег. Только теперь до девушки стало доходить, что каждый собравшийся здесь мужчина, считает, что этой ночью Леонардо завладел её телом.

Вообще, это было пространное словосочетание для Годивы. В свои 17 лет она жила в целомудренном неведении, что же происходит между мужчиной и женщиной. Дядюшкин дом был закрыт для чужих людей, не устраивалось там ни приемов, ни званых ужинов, как принято в других замках. Тихо, мирно, вот как они жили. Старые слуги, само собой, не говорили об этом. Это должна была рассказать мать девушки, но та умерла, когда ей было 8 лет.

Поэтому, все, что знала Годива – это обрывки фраз, брошенные друзьями брата и самим Эриком. Что уж они там обсуждали, девушка не разбирала, просто запомнила, сказанное ими: если мужчина провел ночь вместе с женщиной, значит, он завладел её телом. Эти слова вызывали в Годиве жгучий стыд и одновременно интерес – что же там такое происходит, раз применяется такое слово, как «обладать»? Наверное, что-то сокровенное, какое-то таинство, навсегда, привязывающее мужчину и женщину, друг к другу.

В свои 17 Годива оставалась неискушенной, невинной во всех отношениях девушкой, свято верящей в честность и верность, силу добра и любви. Она была слишком наивной для мира, в которой ей предстояло окунуться.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

От его тела исходил жар. Ни одежда, разделяющая их, ни прохладный утренний воздух, не были преградой. Годива явственно ощущала это от мужчины, сидевшего позади неё. А еще девушку преследовал аромат – смесь трав, терпкий и яркий запах, принадлежащий Леонардо. Он волновал, будоражил сознание, и еще больше – тело. Удивительно сладко стало в груди – почти сразу, стоило только воину взобраться верхом на коня и одной рукой обхватить Годиву, как белокурая пленница начала чувствовать всю палитру ощущений, доселе ей незнакомых.

Девушка пыталась понять, что за чувства просыпаются в сердце, пыталась разобраться, что с ней происходит – но это было неподвластно ей. Сильное волнение-возбуждение, связанное с вынужденной, но приятной близостью рядом с Леонардо, не позволяло ей здраво размышлять. Она стыдилась и одновременно получала удовольствие от этого. Кажется, жар мужчины ударил ей в голову. Голова закружилась – от голода ли или новых ощущений. И если бы не крепкая мужская рука, удерживающая Годиву за талию, красавица непременно бы свалилась с коня.

Она мешала ему. Леонардо не привык, чтобы женщина ездил с ним верхом на коне. Он предпочитал нечто другое... хотя думать об этом в присутствии белокурой девушки, было чуть ли не греховно для него. Кто она, и кто он? Невинный ягненок, почти ребенок, девочка, не испорченная ни опытом, ни роскошью, ни общением со столь «богатым» миром. Чудом уцелевшая от всей этой грязи.

У мужчины свело скулы от мысли, что могло случиться с Годивой, будь на его месте кто-то другой из воинов. Её бы не пощадили. Нежность приняли бы за слабость, неискушенность за уродство, красоту сделали яркой причиной, чтобы надругаться самым изощренным способом.

Внутри Леонардо стала подниматься горячая волна ненависти и презрения к брату пленницы. Уж тот-то понимал, на что обрекает свою сестру, бросая её в старом замке, без какой-либо защиты, в окружении почти немощных слуг...

Усилием воли воин приказал себе успокоиться. Горячий гнев раздражал и был непривычен для Леонардо. Он отдавал предпочтение другому чувству – холодной ярости. Время придет, и предатели ответят по заслугам. От этой многообещающей мысли стало спокойнее.

Стоял погожий сентябрьский денек. Осень еще не прошла своей волшебной кистью, не окрасила деревья яркими красками. Когда солнце поднялось, стало совсем тепло – как в августе. Но вот воздух – он пах уже по-другому. Он пах осенью. От того по сердцу Годивы разливалась тоска. Осенью всегда грустно. Короткие солнечные дни и столь длинные, холодные ночи. С каждым новым днем жизнь будто замирает, убывает, и вот уже глянешь в окно – и земля укутана белым саваном. Тоскливое, щемящее душу, зрелище.

Все эти 9 лет осень ознаменовала для Годивы завершение веселых дней. Если весной и летом ей удавалось пообщаться с деревенскими детьми и как-то отвлечься от одиночества, то с наступлением холода, эта единственная радость заканчивалась. Да, Годива была одинока. Ни наличие старшего брата, ни доброго дядюшки, не спасали её от этого всепроникающего чувства. И оно особо усиливалось, как только приходило грустное осознание – лето закончилось.

Но в этот раз, она чувствовала – все будет по-другому.

Ближе вечеру решено было сделать привал. Но не целым войском, а отрядом, в котором был Леонардо. Он сделал это намеренно, шадя свою молодую пленницу. Мужчина понимал, что девушка, не привыкшая к таким длительным путешествиям, сильно утомлена, к тому же, ей не мешало бы нормально поесть – те скромные угощения, которые Годива получала от него в течение дня – зеленое яблоко, кусок хлеба или же сыра, она не доедала. Не хватало еще, чтобы пленница заболела. Ему не нужны были эти проблемы.

Выбрав подходящее место, Леонардо отдал приказ своим воинам расставлять палатки и разжечь костер. По всему периметру тут же были распределены часовые, несколько мужчин, прихватив лук, отправились в лес – видимо, за будущим ужином.

Годива расположилась на большом валуне – он, пригретый лучами заходящего солнца, был еще теплым и казался наиболее удобным для девушки. Так она была чуть в стороне от воинов и Леонардо. Ей хотелось побыть одной, вдали от них, и разобраться со своими чувствами и мыслями, которые настораживали её. Не знала она, куда держит путь нормандский лев, и в качестве кого там ей придется быть. Сейчас, когда новые ощущения немного улеглись, ясность разума стала проясняться – а с ней и пришли различные догадки, отвечающие на вопросы – что будет дальше? Кем она там будет? Пленницей? Трофеем? Гостьей? Что её ждет?

– Леди Годива, – окликнул девушку мужской голос, и та, вздрогнув, обернулась. Испуг пробежался по лицу прелестной саксонки, когда она увидела того, кто позвал её – это был воин, прошлым днем обещавший ей наказание в виде кнута. Сейчас мужчина выглядел спокойным, его карие глаза уже не горели презрением и ненавистью к Годиве. Напротив, в них мелькнуло что-то, очень близкое к слову «доброжелательность». Но, несмотря на это, появление воина насторожило девушку. Она обернулась по сторонам в поисках Леонардо.

Мужчина заметил это и, улыбнувшись, произнес:

– Его здесь нет. Лорд проверяет своего коня. Леди Годива, не пугайтесь меня, я здесь, чтобы принести вам свои слова извинения.

Воин прочистил горло, затем продолжил:

– Прошу простить меня за мою грубость.

Повисло молчание. Годива, совершенно не ожидавшая, что мужчина попросит у неё прощения, смотрела на его лицо, размышляя. Что стало причиной этому? Взгляд девушки скользнул на шею воина – там, яркой полосой «красовалось» вчерашнее предупреждение от Леонардо.

– Так вы прощаете меня? – с надеждой в голосе, спросил молодой мужчина. Сейчас, когда его лицо не уродовала злость, он выглядел как благородный рыцарь – привлекательный, добрый и жаждущий прощения прекрасной дамы.

– Что стало причиной того, что вы решили извиниться за ваш поступок? – тихо спросила Годива.

Казалось, мужчина не ожидал, что девушка задаст ему вопрос. Воин нервно прошелся пятерней по своим и без того взлохмаченным волосам. Тень смущения пробежалась по его гладко выбритому лицу.

– Лорд говорил при всех нас с тем стариком, и мы все слышали, как тот сказал, что письмо написали не вы, – проговорил молодой мужчина. Его кожа на щеках чуть покраснела, выдавая волнение.

Годива грустно улыбнулась.

– И только поэтому? Неужели вы, правда, считаете, что женщина достойна того, чтобы её пороли кнутом? – голос девушки по-прежнему был тихим, но в нем явственно ощущалось непонимание.

Воин переменялся в лице. Нет, он не разозлился, но слова этой молодой красавицы заставили его усомниться в своих суждениях. Мужчина окинул девушку задумчивым взглядом, а потом и вовсе отвел его в сторону. Он хотел что-то сказать, но властный, хорошо знакомый голос, от которого у большинства воинов по спине пробежал холодок, не дал ему это сделать.

– Гай! – прорычал Леонардо. Он быстрым шагом приблизился к «милой парочке». Проницательным, оценивающим взглядом, мужчина прошелся – сперва, по лицу своей пленницы, после – по воину. Гай, немного занервничав, передернул плечами.

– Что ты здесь делаешь? – Леонардо, нахмурившись, обратился к воину.

– Я пришел, чтобы попросить прощения у леди Годивы, – все же, сумев совладать с собой, ответил молодой мужчина.

Леонардо чуть сощурил глаза. Посмотрел на пленницу.

– Тебя не обидели? – спросил он у неё.

– Нет, – Годива слабо улыбнулась, – все хорошо.

Нормандский лев чуть склонил голову на бок и упер взор в Гая.

– Иди, распотроши пойманных птиц, – приказал Леонардо.

Гай и не думал противиться – послушно кивнув головой, молодой мужчина направился к другим воинам – они, как раз, вернулись с охоты с дичью. Теперь, можно было приниматься за приготовление ужина.

Леонардо не понравилось то, что его воин был рядом с Годивой. Нет, вряд ли это имело отношение к ревности, скорее, к безопасности девушки. Однако нормандский лев и не думал, что кто-то, тем более, Гай решится подойти к белокурой красавице. Мужчина взял себе на заметку, что больше не стоит оставлять пленницу одну. Всем известно, что женщина может стать причиной разлада, а красивая женщина – тем более.

А леди Годива обладала завораживающей красотой. И как же хорошо, что её красота не действовала на него, Леонардо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Годива, ощущая давящий взгляд Леонардо, обхватила себя за плечи. Расценив это, как то, что девушка просто замерзла, мужчина предложил ей согреться у костра. Хоть пленница и не хотела покидать столь удобный валун и своё желанное уединение, она понимала, что с приближением ночи, станет совсем холодно, поэтому Годива, покорно кивнув головой, согласилась.

Как только Леонардо со своей пленницей направились в сторону одного из костров, другие воины, что сидели возле него, подвинулись таким образом, что для их предводителя и его спутницы оказалось предостаточно места. Годива, заметно нервничая, медленно опустилась на расстеленное одеяло. Нормандский лев разместился рядом. Он сидел не столь близко к девушке, так, чтобы не смущать её, и не столь далеко – чтоб другие мужчины видели его благосклонность к ней. Чтобы они и на секунду не забывали, кому принадлежит саксонская красавица.

Костер издавал приятное потрескивание, а его тепло мягко окутывало девушку. Она, избегая того, чтобы смотреть на кого-либо, устремила все свое внимания на танцующие языки пламени. Оранжевый, красный и синий цвета перемешивались меж собой, умирали и снова рождались, вспыхивая искрами. Завораживающее, расслабляющее зрелище. Так бы и смотрела. Стало спокойно – будто Годива вернулась в счастливые детские дни, когда она и её семья собирались возле камина. Таких моментов было очень мало, и от того душа девушки особо бережно хранила их.

Сквозь пелену временно обретенного умиротворения пробился мужской голос.

– Думаю, завтра вечером, мы уже будем на месте, – спокойным тоном сообщил Леонардо.

– А они нас ждут?

– Конечно, такое событие не могло пройти мимо них, можно сказать, это событие года, – с циничной усмешкой на губах, ответил предводитель.

– Да, соберется весь цвет южной Англии, – протянул один из воинов.

– Пусть собирается, я не против, главное, чтобы была чистая, теплая постель и нормальная еда. А дальше – посмотрим, – Леонардо вытянул перед собой ноги и подался вперед, скользя взглядом по деревьям, будто ожидая кого-то.

Годива, вслушиваясь в беседу, вся напряглась. Куда же они едут? Но спросить об этом – девушка даже и не думала. Вмешиваться в мужской разговор не собиралась – и не только потому, что воспитание не позволяло, а по причине своего характера – мягкого, осторожного, неуверенного. Она просто продолжила слушать и чувствовать.

У Леонардо, даже в спокойном состоянии, голос был пропитан властностью. И вроде мужчина говорил непринужденно, о простых вещах, и все равно, чувствовалась особая интонация лидера, который привык, чтобы ему беспрекословно подчинялись. Даже за воцарившимся дружелюбием ощущался нрав нормандского льва – резкий, расчетливый, холодный. Поэтому, воины, собравшиеся вокруг костра, ни на минуту не расслаблялись и тщательно взвешивали каждое слово, понимая, что даже если сейчас Леонардо держится на дружеской волне, это не отменяло того, что он по-прежнему остается их предводителем, способным наказать или же вознаградить.

Наконец, принесли ужин. К тому моменту, как в руках Годивы оказалась похлебка, желудок девушки настолько изнывал от голода, что она едва сдерживала себя. Хотелось скорее проглотить этот ароматно пахнущий бульон, заполнить пустоту в животе, чтобы скорее избавиться от неприятных ощущений. С небывалым аппетитом Годива принялась за ужин. Простая похлебка, сваренная на мясе пойманной птицы, и плавающие в ней кусочки сухарей показали девушке настоящим пиршеством.

Съев все без остатка, девушка поймала на своем лице задумчивый взгляд Леонардо. Ей тут же стало стыдно – вряд ли она ела, как подобает леди. Признаться, об этом девушка и не думала.

– Спасибо, – сглотнув, тихо сказала Годива.

– Ты не наелась? Хочешь еще? – поинтересовался Леонардо. Он был немного удивлен таким аппетитом своей пленницы, хотя понимал – причина в том, что девушка давно не ела.

– Нет, спасибо, – Годива прижала ладонь к желудку, – я, кажется, и так съела слишком много.

Мужчина кивнул головой. Хотелось спать. Растянуться во весь рост, чтобы спина отдохнула. Леонардо, недолго думая, исполнил свое желание. Годива, покосившись на мужчину, обняла себя за колени. Она не собиралась ложиться спать. Нет, не сейчас и точно не здесь.

Но Леонардо решил за неё. Теплые мужские руки потянули девушку к себе. В этих движениях не было страсти или похоти, просто чистая забота – как о маленьком ребенке, нуждающемся в присмотре. Мужчина уложил Годиву на спину, а сам, повернувшись на правый бок, укрыл девушку своим плащом, что был на нём.

– Спи, – произнес он, закрывая глаза.

Зажатая в объятиях Леонардо, девушка почувствовало, как её стало поглощать его теплое спокойствие. Тело Годивы стало расслабляться, наполняться приятной негой. Веки потяжелели, захотелось спать. Нос защекотало от терпкого запаха кожи мужчины, аромат унёс белокурую красавицу в старые воспоминания. Странно, сейчас девушке казалось их единение правильным, будто так и должно было быть. Но, памятуя о приличиях, Годива сумела задать вопрос мужчине.

– А почему нельзя лечь спать в палатках? – поинтересовалась девушка. Она, запрокинув голову, укололась щекой об густую щетину Леонардо. Мужчина медленно открыл глаза.

– Потому что я так решил, что сегодня мы будем спать здесь, – ответил он.

– Я просто подумала... – начала Годива, но Леонардо оборвал её речь коротким словом:

– Спи.

Она, зажмурившись, сжала свои ладони. Они у неё были по-прежнему холодными – вот он, признак волнения. Девушка тихо вздохнула. Потом – еще и еще. Сон почему-то уже никак не шел к ней, хотя она ощущала усталость. Руки-ноги стали слабыми, но вот сознание продолжало бороться со сном. Годива попыталась перевернуться на бок, но над головой прогремел недовольный голос:

– Хватит шуметь, спи.

Девушке не оставалось ничего другого, как подчиниться этому приказу. Отгнав назойливые мысли о пристойности способа заснуть, Годива стала погружаться в сон. Беспокойство, наконец, отпустило её, и пленница, незаметно для самой себя, уснула.

Леонардо, хоть и делал вид, что спит, не спал. Его не отпускала внутренняя тревога, предчувствие, что вот-вот что-то случится. Мужчина не ошибся. Как только лагерь погрузился в тишину, а костры погасли, десятки огненных стрел пронзили палатки...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Все произошло стремительно. Вот Годива еще спала, а тут, внезапно, мужские руки оттаскивают её подальше от остывшего костра. Сквозь пелену полутьмы, затаенного ужаса и непонимания, что же происходит, девушке удалось заметить разгорающийся пожар в лагере – именно там, где были размещены палатки.

Догадка о том, что это нападение, больно ужалила Годиву. Она испугалась и замерла, не понимая, как ей быть и что делать. А делать ей ничего и не нужно было. Просто тихо лежать, придавленной мужским телом – это Леонардо, накрыв собой пленницу, приготовился к тому, чтобы защитить себя и её. Сам мужчина, выжидая, напрягся, каждая мышца его была ощутима и подобна камню.

Теперь, Годиве было не до того, чтобы думать – правильно ли это или нет, быть в такой близости от Леонардо. Все её мысли сконцентрировались на одном – лишь бы им выжить.

Где-то поблизости, раздалась приглушенные, еле слышные, голоса, хрустнула ветка, послышались шаги...

Годива учащенно задышала – грудная клетка заходила вверх-вниз – это не помогало. Жадно открывая рот, как рыба, выброшенная на берег, девушка пыталась наполнить легкие воздухом, но тщетно – его было слишком мало. Страх накатывал волнами, мешая полноценному дыханию.

Годиве показалось, что она вот-вот задохнется. И девушка, напуганная, попыталась освободиться от Леонардо, попробовала скинуть его с себя, но куда там – силы их были неравны. Однако она не оставила своей борьбы, завертела головой, застучала кулаками в твердую грудь мужчины. Забыла об опасности, что была кругом. Прекрасная саксонка хотела лишь одного – дышать.

Её учащенное дыхание обжигало. Словно не было на Леонардо кольчуги и плотного кафтана под ней, будто лежал обнаженный. Не во время пришли абсолютно ненужные мысли и картинки, что Годива могла бы так дышать совсем по другой причине. Отогнал решительно все эти домыслы. Не время! Не сегодня! Чувствуя, как бешено, бьется сердечко девушки, как пытается она задышать, мужчина без труда понял, что его пленница находится в паническом состоянии. Это ему было привычно случившееся, теперь, спустя, 12 лет. А тогда, в первый раз, и он сам едва не растерялся...

Время уходило, опасность с каждой секундой становилась все ближе. Если пленница сейчас не успокоится, то привлечет к ним внимание, и тогда все пойдет совсем по-другому.

– Послушай, – обхватив Годиву за щеки своими жесткими пальцами, зашептал Леонардо. Девушка мгновенно замерла, очарованная его прикосновением. В темноте и пленница, и её господин различали лишь белки глаз друг друга. Но вот чувства – они все обострились, натянулись, как тетива. Дыхание волновало, тепло, исходящее от тела, пробуждало сладость в груди...

– Все будет в порядке, – продолжил Леонардо, не отпуская лица Годивы, – я бывал в таких ситуациях не один раз. Лежи смирно, и я вытащу тебя отсюда.

Мужчина не увидел, но почувствовал, как губы девушки расплылись в улыбке, а затем послышался её шепот:

– Ты говорил то же самое, 13 лет назад, когда спас меня.

Эти слова, как острый меч, пронзили Леонардо – прямо в грудь, так, что теперь мужчине стало трудно дышать. Воспоминания закрутились, поднялись из потаенных уголков души, где, казалось, были захоронены.

– Ты? – выдохнул Леонардо потрясенно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

13 лет назад

Маленькие детские ножки торопливо спускались по лестнице. Каменные ступеньки, пригретые солнцем, были приятно-теплыми для босых стоп. Девочка спешила. Скорее. Пока мама и папа не видят, пока они заняты, можно будет поразвлечься. Тем более, в такой погожий летний денек.

Ей не составило труда убежать незамеченной. Эрик снова заболел – а это означало, что внимание родителей было приковано к нему. Годиве так и сказали: «не мешайся под ногами». Она, как послушная дочка, выполнила строгую просьбу матери. С большой охотой, надо сказать – в такие дни, когда старший брат хворал, мать становилась раздражительной. Особо раздражала её младшая дочь, зачем-то требующая внимание. Очень странно, для 4-летнего ребенка искать внимания родителей, не так ли? В представлении матери, дочка должна была учиться самостоятельности, и не отвлекать маму от столь важного.

А важным был, без сомнения, Эрик.

И так, Годива, предвкушая приключения, спустилась с главного здания замка и оказалась в долгожданном месте – внутреннем дворе. Там, в самом его центре, должно было случиться что-то грандиозное. По крайней мере, так думала 4-летняя малышка, когда её глазам предстало несколько не слишком высоких, но очень широких, чанов с водой.

Годива огляделась по сторонам – вокруг никого не было, оно и понятно – часть слуг была занята на кухне, другая – собирала грязные вещи, чтобы постирать в заранее приготовленной для этого воде. Таким образом, получилось так, что маленькая господская дочка оказалась во дворе совсем одна.

Как замороженная, Годива приблизилась к одному чану. На прозрачной поверхности, сверкая, маня к себе, то появлялись, то пропадали, солнечные зайчики. Девочка шагнула еще ближе, желая их поймать. В её детском сознании это были не просто солнечные блики, а самое, что ни на есть, чудо. Сияние волшебной феи. Говорят, если поймать это сияние, сбудется одно желание. Поэтому, недолго раздумывая, Годива решила осуществить свою задумку – ухватить сияние, и заодно, и фею, и попросить её, чтобы Эрик наконец-таки стал здоровым!

Ради брата можно было и постараться!

Именно эти слова твердила себе малышка, когда, склонившись, попробовала зачерпнуть ладошками, волшебный свет. Увы, у неё не получилось. Кажется, даже сияние сдвинулось чуть подальше. Наверное, она напугала фею. Чего доброго, та вообще улетит, и не видать тогда ей, Годиве, волшебства. Нужно было поторопиться.

Она и поторопилась, потянулась дальше – и плюхнулась, с головой, в пока еще холодную, не успевшую прогреться, воду. Маленькое тело обжег холод, и тут же начал отнимать силы и способность двигаться. Вернее, Годива пыталась шевелить руками – ногами, но, то ли получилось как-то заторможено, то ли она только думала, что двигает конечностями.

Стало страшно, стало темно и больно. Грудь распирало от боли. Боль нарастала, угрожая раздавить ребра изнутри. Мало воздуха! Мало!!!...

А потом – все резко изменилось. Снова яркий солнечный свет, чьи-то руки потащили, стало легко – будто превратилась в перышко. И голос, такой, что проникал до самого сердца, голос, который твердил: «я тебя выгашу».

Очнулась Годива уже в руках черноглазого юноши. Стоило только девочке открыть глаза, как она устремила на своего спасителя сосредоточенный взгляд. Смотрела, молчаливо, впитывая в себя каждую черточку лица. Он отличался от всех, кого она знала – смуглая кожа, черные волосы и глаза...

– Спасибо, – прошептала девочка, одаривая Леонардо робкой улыбкой.

– В следующий раз, я могу не оказаться рядом, – ответил юноша, хмурясь.

– Нет, – девочка еще шире улыбнулась, – ты – мой рыцарь, и ты всегда будешь спасать меня.

Она уставилась на него немигающим взглядом. Яркие голубые глаза смотрели с такой уверенностью, что там, где сердце, у Леонардо шепнуло: «так и будет».

Так оно и случилось.

Но это была лишь часть истории, которая была известна Годиве. А у неё имелось продолжение.

Когда Леонардо спас Годиву, это заметили уже не только подросшие служанки, но и молодая госпожа – Марианна. Завидев статного, мускулистого юношу, женщина воспылала к нему не только благодарностью, но и желанием – страстным и требовательным. Что поделать, Альфред уже не радовал особым вниманием, к тому же вид молодого, сильного тела, подхлестывал аппетит Марианны. Её совершенно не смущало, что тот, к кому она воспылала чувствами, был моложе её на 10 лет, да, к тому же, был сыном кузнеца. Это не остановило прелестницу, и на следующий день, не стыдясь ни тех, кто на земле, ни Того, Кто на небе, Марианна пришла к нему в кузницу.

Леонардо как раз ковал короткий меч, когда завидел на пороге госпожу. С золотистыми волосами, доходившими ей до талии, в красивом платье из вишневого шелка, она выглядела царственно красивой. Марианна предложила себя – улыбаясь, говоря прямо о своих желаниях.

«Это – моя благодарность», – томным голосом сообщила женщина.

Только она не учла одного – Леонардо сумел ей отказать. Несмотря на яркое желание, рвущееся из молодого, крепкого тела, несмотря на ту красоту, что увидели его глаза, у юноши хватило силы духа и порядочности отказать госпоже.

И он поплатился за это.

Марианна, затаив злобу на Леонардо, сумела оплести интригами его и своего супруга, Альфреда. Пожаловалась мужу, дескать, «этот кузнец нагрубил, да еще смотрел так, что глазами раздевал». Господин был скор в наказании. Следующим утром Леонардо выпороли кнутом, а потом, привязанного за руки, оставили – в назидание другим жителям.

И снова Годива сумела убежать из дома, и снова встретила с Леонардо. Только в этот раз она обнаружила своего рыцаря поверженного, раненного. Вся спина его была исполосована кровавыми ранами.

Пот стекал по лицу Леонардо. Во рту все пересохло, горло саднило от жажды. Тело изнывало от боли, а спина... горела адским огнем. Не хотелось уже не пить, ни есть, хотелось сдохнуть, чтобы забыться, освободиться от этой боли и удушающего чувства несправедливости. А потом – поднималась волна ненависти и жажды отмщения. Скручивала внутренности, кусала за сердце, сжимала душу. И снова слабость, и желание умереть, а потом – опять, выжить, и доказать, отомстить, стать сильнее всех.

Маленькая ладошка прошла по мужской скуле. Леонардо, вздрогнув, разлепил веки и мотнул головой, пытаясь сфокусировать взгляд. Показалось, что ли? Но нет – на него смотрела та самая белокурая малышка. Её пронзительные голубые глаза выражали почти осязаемую боль. Девочка еще раз – нежно провела ладонью по щеке Леонардо, а потом – убежала. И молодой мужчина успел заметить, как по её светлому личику полились слезы...

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

– Я, – ответила Годива, одаривая Леонардо теплым, ласковым дыханием. Сказала так, словно ждала все это время его вопроса.

– Поверить не могу, – выдохнул мужчина, а потом, сжав щеки девушки сильнее, прошептал:

– Лежи смиренно, не шевелись, враг уже близко.

Она не ответила, лишь моргнула, соглашаясь. Но разве возможно было разглядеть это в ночной полутьме? Хотя, это не имело значения сейчас. Сердце билось так странно в груди, отчего все происходящее, вдруг, стало неважным. Годива, опьяненная внезапно возникшей духовной близостью с Леонардо, совершенно забыла о приближающемся недруге.

Однако Леонардо помнил о враге. Хоть и признание Годивы удивило его, стало неожиданным открытием, не потерял мужчина своей бдительности, не расслабился, не забылся. Еще сильнее обострились его чувства, казалось, даже волоски на теле улавливали чужие шаги. Мистика, по – другому и не скажешь. Три медленных вдоха, тихих, а потом – гибкие движения рукой. Потянулся за спину, ухватил лук. Тихо, хорошо отточенными действиями, вложил в тетиву стрелу. Не видел, что делает. Ощущал руками – богатый опыт сказывался. Снова замер. Устремил взор вперед. На фоне горящих палаток мелькнули фигуры. Пора. Снова вздох – и выстрел, попадающий прямо в цель. Вновь несколько раз повторил действия – силуэты падали, издавая последние крики. Тут уж и другие воины выбежали – нападая на врагов, которые хлынули с одной из сторон леса. Завязалась битва, зазвенел металл.

Леонардо резко поднялся на ноги, подтянул за собой девушку.

– Здесь оставаться больше нельзя, – грубо бросил воин, наблюдая, как место битвы сдвигается в их сторону. Нужно было торопиться. Громко свистнул так, что у Годивы на несколько секунд заложило уши. Будто из-под земли появившись, рядом с Леонардо оказался его верный конь. Недовольно фыркая и нервно перебирая передними копытами, животное всем своим видом показывало, что готово выполнить приказ своего хозяина.

– Барон, – Леонардо погладил коня по морде, – веди себя хорошо.

Мужчина обернулся и, подхватив Годиву, усадил её верхом на животное. Коснувшись голени девушки, Леонардо пообещал ей:

– Не беспокойся, Барон – умный конь. Скоро увидимся. Вперед!

Воин легонько ударил коня по крупу, и Барон, не издавая ни звука, ринулся вместе с всадницей в другую, от места битвы, сторону леса.

Годива прильнула к голове коня, вцепилась в его гриву. Страшно было – свалиться с животного, страшно было за Леонардо. Сердце подпрыгивало до горла, оглушало. Некоторое время девушка не слышала ничего, кроме этого звука. Затем, когда Барон остановился, Годива стала постепенно приходить в себя. Теперь, до её слуха стали доноситься звуки битвы – лязганье мечей, мужские вскрики. Хоть и была девушка, относительно, но далеко оттуда, все равно казалось, что она находится в самой гуще событий. По коже поползли противные мурашки. Затошило-замутило, затрясло. Как долго еще ждать? Сколько будет убитых? Смерть – это всегда страшно. В её памяти все еще были живы воспоминания похорон родителей, а потом, спустя годы, и дяди. Душа сжималась в комок от этого. Не желала Годива никому смерти, но понимала – это неизбежно, что в этой битве кто-то умрет.

А потом стало так тихо... Жутко тихо. Если шум битвы вызывал страх, то эта звенящая тишина – пробуждала липкий ужас. В этой тишине Годива явственно слышала своё учащенное дыхание, даже, казалось, слышала, как шевелятся листья на деревьях от легкого ветерка...

Внезапно, послышались осторожные шаги...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Годива устремила взгляд вдаль – туда, откуда, по её мнению, раздавались шаги. Затаив дыхание, девушка вся насторожилась, не зная, кого ожидать – друга или врага. Сама того не замечая она начала медленно перебирать густую гриву коня. Пустила бы его галопом, да вот только куда? Кругом был лес.

Но, видимо, Барон решил за всадницу. Громко заржав, конь напрямик направился на раздающийся звук шагов. Годива чуть потянула за узду, пытаясь остановить животное, но тщетно – Барон уже мчался вперед, игнорируя её нерешительные действия.

– Да что же ты, – испуганно выдохнула девушка.

Конь, будто услышав её, мотнул головой и фыркнул, а потом – сделав еще несколько шагов, остановился. Годива еще не поняла этого, не пришла в себя, как услышала мужской голос.

– Молодец, Барон, не подвел, – довольным тоном произнес Леонардо, любовно обнимая коня за шею и глядя животное. Случайно, мужчина коснулся ладони Годивы. Девушка не одернула её, но хотела это сделать. Стеснялась и одновременно была рада этому простому прикосновению.

Слава Богу, Леонардо жив.

От яркого чувства облегчения у девушки закружилась голова. Она еще сильнее прильнула к голове коня, и устало прикрыла глаза. Слава Богу, все хорошо. Слава Богу.

– Ты закончила? – с усмешкой в интонации, поинтересовался Леонардо.

– Что? – не понимая, про что спрашивает мужчина, ответила Годива.

– Ты, кажется, молилась.

– Я, – смущенная тем, что её мысли превратились в слова, которые услышал Леонардо, произнесла девушка, – да, я закончила.

– Я тоже закончил, – заявил мужчина, следом легко запрыгивая на коня, позади Годивы. Она мгновенно ощутила своей спиной силу, исходящую от Леонардо. Кипучая, парализующая, сметающая все на своем пути, но пока еще удерживаемая сила.

Хоть и не стремилась к этому, но, с каждым вздохом, девушка все больше и больше, склонялась к мужчине. Будто магнитом тянуло Годиву к Леонардо. И, когда они выехали на опушку леса – ту самую, где часом ранее случился бой, прекрасная саксонка, уже обессилено откинувшись, прижималась своим телом к нормандскому льву. И хотя тело её, вроде как, отдыхало, но вот разум и душа не знали покоя.

Почему-то страшные вещи нередко случаются именно ночью. Быть может, тьма придает им силы? Годива, задаваясь этим вопросом, не знала ответа. Зато теперь, будто после кошмарного сна, когда первые признаки рассвета появились на сером небе, она узнала, как выглядит место сражения после того, как бой закончился.

Опрокинутые, застывшие в страшных позах, тела. Лица, на которых запечатлелось скорбное выражение, страх, боль и удивление. Стрела, вызывающе торчащая из головы одного из воинов. Кровь. На груди мужчин. На плащах. На траве. Вишневые лужицы, кричавшие о насильственной смерти людей.

Кровь мощным напором ударила в голову Годивы. Она слышала лишь её. Та стучала, ломала виски, оглушала и сводила с ума. Наконец, через стену шума, стал пробиваться властный голос Леонардо, тот, обращаясь к своим воинам, отдавал приказы. И вот уже мужчины, оседлав своих коней, присоединившись к предводителю, продолжали свой путь.

Годива смотрела отсутствующим взглядом прямо перед собой. Смотрела, а не видела. Мысли её были слишком далеко, чтобы белокурая красавица могла заметить густой, как молочный напиток, туман, не обратила она своего внимания на горы, стоящие по левую сторону

неприступной стеной. Думала только о тех несчастных, павших этой темной ночью. Не знала, не считала, кого было больше из убитых – воинов ли Леонардо или же врагов. Не в этом дело. Там оборвалась человеческая жизнь.

Война для Годивы была лишь словом, не имеющим почти никакого веса. Какие-то отголоски, безусловно, доходили до Уэльса, но в целом, жизнь девушки была мирной, хоть и одинокой. Не понимала еще прекрасная саксонка, что погибшие – такова одна из цен каждого завоевания. Годива была далека от этого, и от того увиденное еще сильнее, чем тогда, когда её захватили в плен, повергло в ужас.

Когда всадники, миновав небольшой луг, стали огибать многовековой лес, Годива поняла, что у неё – больше нет сил терпеть. К горлу то и дело подкатывала тошнота, ладони стали липкими, и все тело, изнывая жаром и ознобом, требовало освобождения от того ужаса, которым прониклась девушка этим ранним утром.

– Леонардо, – слабым голосом позвала Годива.

Он не ответил. Погруженный в собственные мысли о превратности судьбы, мужчина не сразу услышал голос девушки. Тогда ей пришлось сказать уже громче:

– Леонардо!

– Да? – наконец, отозвался он, немного озадаченный тем, что пленница позвала его. Все это время, пока они ехали верхом, девушка предпочитала сохранять молчание, и мужчину это устраивало. Она не отвлекла его, не вынуждала вести светскую беседу, которая неимоверно раздражала Леонардо. А вот теперь, Годива обратилась к нему.

– Леонардо, – она запрокинула голову так, чтобы мужчина мог увидеть её лицо, – можно отдохнуть? Совсем немного?

Мужчина внимательным взором прошелся по лицу девушки. Кожа была бледная, и только щеки алели странным, далеко не здоровым румянцем. Именно это стало причиной того, что Леонардо, несмотря на то, что их путешествие и так затянулось, ответил согласием на просьбу Годивы.

Стоило только мужчине, спустив девушку с коня, поставить её перед собой, как неприятные догадки подтвердились. Желая знать точно, Леонардо легонько, удивительно нежно для человека его характера и жизненного опыта, коснулся лба Годивы.

– Да ты вся горяишь, – произнес мужчина.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Годива покачнулась и непонимающе посмотрела на Леонардо.

– Горю? – как во сне, повторила она. Говорила, а голос слышала свой как сквозь стену – отдаленно, словно он и не ей принадлежал. Девушка дотронулась своими ледяными пальцами до лба – и тут же одернула руку, словно обожглась.

– Действительно, горю, – качнувшись, ответила Годива.

Леонардо удержал её за плечи. Всматриваясь в горящее от лихорадки, лицо девушки, мужчина принимал решение. Да, будь на её месте один из воинов, они продолжили бы путь дальше. Да будь он сам, Леонардо, нездоров, все равно, остался бы в седле, понимая, что активная деятельность больше поспособствует выздоровлению, нежели ленивый отдых. Его тело не привыкло к последнему.

Но перед ним стояла молодая женщина. Не воин, привыкший днями и ночами испытывать трудности и непогоду. А женщина – нежная, слабая и юная. Вряд ли Годива выдержит поездку, а если, все же, справится, состояние её может значительно ухудшиться.

– Сделаем привал, – бросил Леонардо своим воинам.

Те, если и были удивлены приказу предводителя, промолчали. Выбрав место вблизи леса, мужчины занялись своими верными конями. Леонардо тоже бы с удовольствием уделил время Барону, но теперь в заботе мужчины больше нуждалась девушка.

– Идем со мной, – аккуратно обнимая Годиву за талию, произнес воин.

Она еще больше покрылась жаром – и все из-за прикосновения Леонардо. Наверное, стоило было сказать ему, что это неприлично – вот так, держать её. Совсем забыла о том, что она – его пленница, и господин имеет право не только обнимать... Не думала, да и сил почти не осталось. Хотелось лечь на траву, которая была так маняще-мягка под ногами. Лечь и закрыть глаза, отдохнуть.

– Поставьте лучников по периметру. Коней – напоить. Разожгите костер и принесите мне воды, – Леонардо отдавал приказ спокойным, холодным тоном. Но воины поторопились исполнить его. Не было такого, чтобы кто-либо из них бездельничал. Каждый занялся своим делом.

Годива не помнила, как оказалась сидящей перед костром. Вот она еле-еле идет, а вот – уже расположилась возле разгорающегося огня. Но и сидеть было тошно. Девушка попыталась лечь, однако сильные руки удержали её за плечи. Она, нахмурившись, подняла голову и увидела Леонардо. Странно. Ей казалось, что тот ушел и оставил её одну.

– Что ты собралась делать? – спросил он, не отпуская подрагивающие от озноба, плечи Годивы.

– Спать, – пересохшими губами ответила она.

– Еще нельзя спать.

– Нельзя? – девушка непонимающе посмотрела на мужчину – тот глядел на неё с невозмутимым спокойствием на лице. – Почему?

– У тебя жар, а в твоём теле слишком мало воды. Если ты сейчас не выпьешь достаточно, скоро, тебе станет совсем плохо.

– Но я не хочу уже пить, – Годива устало прикрыла глаза, – мне нужно просто заснуть.

Странно, от её слов «просто заснуть», тревога кольнула сердце Леонардо. «Она может заснуть, и уже не проснуться», – не спрашивая разрешения мужчины, шепнул внутренний голос.

– Ты обязательно поспишь, но сначала тебе нужно выпить это, – воин потянулся к кувшину.

– Это что – вино? – поморщившись, прошептала Годива.

– Вино? – Леонардо цинично усмехнулся. – В вине точно нет исцеления, только болезни, а, порой, и смерть. Это – чистая вода. Выпей её, и я дам тебе заснуть.

Спорить не было ни сил, ни желания. К тому же, через туман болезненного состояния, Годива понимала – Леонардо прав. Поэтому, девушка послушно выполнила его просьбу-приказ. Свежая, отчего-то сладкая, вода потекла по разгоряченному горлу. Трудным был только первый глоток, а потом, тело, вспомнив, то, в чем так нуждалось, жадно затребовало и приняло еще и еще.

– Спасибо, – благодарно прошептала Годива, снова прикрывая глаза.

– Вот теперь ты можешь немного поспать, – разрешил Леонардо, поднимаясь на ноги. – Ложись.

Девушка только этого и ждала. Повернувшись на бок, легла. Все равно озноб не оставлял её, и в попытках согреться, Годива поджала руки-ноги. Может, хоть так станет чуточку теплее?

Леонардо как раз шел в направлении к своему коню, чтобы, наконец, лично заняться им, когда, не сдержавшись, обернулся, бросая на свою пленницу взгляд. Она лежала, скрючившись от холода. Даже отсюда, было видно, как подрагивает её стройное тело. Тяжело вздохнув, мужчина забрал с седельного мешка шерстяное одеяло. Уверенным шагом, игнорируя любопытные взгляды некоторых из воинов, Леонардо вернулся к Годиве. Мужчина задержал взор на её лице – румянец стал чуть бледнее, но жар, пока еще, не отпускал девушку. Её тонкие веки, пронизанные синими венками, подрагивали, а с полуоткрытых губ то и дело срывался приглушенный, тревожный стон. Белокурые волосы, выбившись из косы, разметались по плечам. Отчего-то захотелось аккуратно убрать их в сторону. Леонардо проигнорировал это желание. Просто укрыл Годиву одеялом.

Затем – снова направился к своему коню. Очищая Барону копыта от камушков, Леонардо то и дело посылал свой взгляд в сторону спящей пленницы, дабы удостовериться, что никто из воинов не подошел к ней слишком близко. Это нельзя было назвать ревностью, скорее, чувством ответственности за своё имущество. Звучало, конечно, грубо, но Годива принадлежала ему, Леонардо. И только ему теперь предстояло решать, что делать с прекрасной саксонкой.

Закончив с копытами Барона, воин принялся растирать круп коня скребницей. Делая кругообразные движения по телу, Леонардо продолжал размышлять о Годиве. Не хотел думать о ней, но мысли так и лезли в голову. Если бы это была другая женщина, воин отправил бы ее, либо ко двору короля, либо в монастырь. Чтобы не мешала. Но Годива... помимо того, что оказалась прекрасной, нежной девушкой, не совершившей против Леонардо ничего дурного, она являлась той самой девочкой из его прошлого... Прошлого, которое мужчина, иногда, хотел забыть. Прошлого, которое частенько прожигало ему грудь.

Единственным светлым пятном в нём была та белокурая малышка.

Воин, сжав челюсти от непонятных чувств, подкрадывающихся к нему со всех сторон, прошелся быстрыми, короткими движениями против шерсти коня, удаляя грязь. Затем, настал черед мягкой тряпицы, которой Леонардо принялся полировать шерсть Барона до тех пор, пока она не заблестела. Закончив заниматься животным, воин, с неким чувством облегчения, пошел в сторону спящей пленницы.

Было уже послеполуденное время. Солнце, миновав зенит, медленно, но уверенно склонялось к западу. Легкий ветерок донес до носа мужчины пока ненавязчивый аромат жухлой листвы. Осень только начиналась, но, без сомнения, ночи, с каждым днем будут все холоднее. И эта ночь вряд ли будет исключением. Наконец, Леонардо подошел к Годиве.

Она лежала неподвижная. На лице застыло беспокойное выражение, а вся поза показывала, как холодно девушке. В ней во всей было столько уязвимости и невинности, что Леонардо, глядя на Годиву, невольно увидел её той самой малышкой, которую ему удалось спасти. Не сдержавшись, воин опустился рядом с девушкой и взял её на руки, прижимая к себе.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Она проснулась среди ночи от звука сверчков. Странно, что осенью они все еще пели свою песню. С трудом разлепив веки, Годива устремила взор на небо. Ясное, холодное, иссиня-черное, пронизанное сотнями ярких звезд, оно роскошным шатром раскинулось над головами. Девушка всматривалась в звезды, с восхищением в груди впитывая в себя их красоту. Чем дольше смотрела – тем больше видела их. Вот пояс Ориона, а там – Большая Медведица.

– Как красиво, – не сдержавшись, прошептала Годива.

Теперь, когда странно возникшая болезнь отступила от нее, а тело, освобожденное от жара, начало приходить в себя, жизнь забила в птицей в душе Годивы. Захотелось жить. Любоваться каждым мгновением. Будто раньше и не видела, как прекрасен этот мир, словно только что познакомилась с ним.

– Красиво, – глядя на одухотворенное лицо пленницы, задумчиво произнес Леонардо. В груди ощутил некое облегчение, причина была проста – девушка выглядела лучше. Не то, чтобы мужчина считал себя мягкосердечным, однако мысль о том, что Годива – та самая маленькая девочка из прошлого, могла снова умереть – не давала ему покоя. К счастью, болезнь оказалась слабее белокурой саксонки. Конечно, Годива все еще не была полностью здорова, но сам факт, что тело её не горит от жара, а взгляд – вновь стал разумным, не затуманенным от недуга, стало самой радостной новостью за этот долгий день.

Услышав мужской голос, Годива медленно перевела взор на лицо воина. Смотрела на него – как смотрят на человека, которого знают всю жизнь – доверчиво, спокойно, не боясь. Не смотрят пленницы так на своего господина.

– Я так долго спала, – губы Годивы дрогнули в извиняющейся улыбке. – И ты все это время был здесь?

– Может быть, – уклончиво ответил Леонардо. Не знал, почему не ответил, как есть – да, я просидел рядом с тобой все эти часы, нянчась, как с ребенком. Не стал, не хотел, чтобы Годива додумывала и создавала в своей голове ложное о нем представление. Не герой он, не великодушный, не добрый. Далеко не добрый.

– Спасибо тебе, – Годива шумно вздохнула, – могу ли я попить?

Леонардо, молча, поднес к ее губам горлышко кувшина. Девушка сделала несколько глотков, потом, утомившись, снова легла – в объятия мужчины. Сейчас, почему – то его близость уже не смущала, а казалась естественной, очень нужной. Годива удивилась своим ощущениям, но бороться с ними не стала.

Потрескивающий костер и музыка сверчков создавали особую, располагающую к интимной беседе, атмосферу. Воины, хоть и никуда не делись, казались всего лишь безмолвными, глухими силуэтами, скользящими где-то за пределами их маленького мира. Поэтому, Годива, повернувшись с бока на спину так, чтобы хорошенько видеть лицо Леонардо, обратилась к нему с вопросом, который все это время не давал ей покоя:

– За что тебя тогда наказали?

Леонардо, до этого наблюдавший за темными тенями часовых, напрягся. Тело его замерло, будто со спины снова готовое получить удар хлыстом. Мужчина не ожидал такого вопроса от Годивы. Но Леонардо мгновенно вернул себе привычное спокойствие.

– Я совершил ошибку, – одарив Годиву усмешкой, ответил он.

Девушка почувствовала, что за этим простым предложением крылось нечто большее. Она, может и должна была промолчать, но не смогла. Неравнодушна была к человеку, который спас её. Не мог этот человек совершить что-то дурное!

– Я не верю, – сорвалось с её губ, и Леонардо, резко повернув голову, посмотрел прямо на Годиву. Не верит? В поисках какой-либо женской уловки, мужчина всматривался в лицо девушки, но ничего, кроме искреннего выражения и переживаний, не обнаружил.

– Ты предпочитаешь не верить своим покойным родителям? – задал вопрос Леонардо.

Годива переменилась в лице. Она не хотела думать о своих родителях плохо. Но и о Леонардо – тоже. Вся душа ее противилась этому. Девушка собралось, было, ответить, но воин, опередив её, произнес:

– Это в прошлом, Годива. В моей прошлой жизни, о которой я предпочитаю не помнить.

Годива смотрела на Леонардо. Суровое, мужественное лицо не выражало никаких эмоций, кроме как львиной расслабленности. Но девушка чувствовала – только сама до конца не могла понять, что, какие – то эмоции, исходящие от мужчины. Его было очень трудно понять, и еще сложнее – прочувствовать.

– А я часто вспоминала, как ты спас меня. И совсем не хочу этого забывать, – ответила Годива.

Вот он, тот самый разговор, который Леонардо предполагал, что скоро случится. Пришло время. Мужчина, устремив твердый взгляд прямо в голубые глаза, источающие нежный взгляд, произнес, отчеканивая каждое слово:

– Годива, ты должна понимать, что тот случай ничего не меняет для тебя. Тогда – ты была маленькой девочкой, которую я, по чистой случайности, спас. Этим человеком мог оказаться кто угодно. Я просто проходил мимо. Прошло 13 лет. Сегодня – ты мой трофей, моя пленница, саксонская женщина, которая принадлежит нормандскому льву.

Его голос был холодным, без капли теплоты в нем. Внезапно, кожа Годивы покрылась мурашками. Не согревал даже костер. Стало резко не по себе. Удивительно, еще минутами ранее, девушка нежилась в тепле. Она понимала, что причина этих перемен – в том тоне, которым Леонардо заговорил с ней. Не стала спорить, противостоять. Хотя в груди кольнуло от боли и обиды. Не в природе Годивы было вести себя так. И все же, грустно улыбнувшись, тихо сказала:

– Ты думаешь, что я посмею кому-либо рассказать об этом? Если ты не хочешь, никто не узнает. Но зачем ты говоришь мне о том, что я и так не забывала? Я ведь помню, что теперь – твоя пленница. Я не жду, что ко мне будет какое-то особое отношение по причине того, что когда-то мы были знакомы.

Годива лукавила, только и сама того не знала. В самой глубине души она хотела именно этого – чтобы Леонардо отнесся к ней по-особенному. Нет, ни как к красивой женщине (о своей красоте Годива пока еще и не знала, не догадывалась), а как к старому, доброму другу.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – раздался голос Леонардо, – потому что, по прибытию в замок, я намерен подыскать тебе мужа.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Его слова вызывали у Годивы смятение. Не ожидала, не представляла, что такое может случиться с ней. Не сразу сумела заговорить – в горле мешал образовавшийся ком. Девушка с трудом сглотнула. Затем, наконец, произнесла:

– Разве обязательно мне выходить замуж? Я бы предпочла найти убежище среди стен монастыря.

Леонардо прошелся оценивающим взглядом по чувственному лицу Годивы – плавные черты, большие, выразительные глаза цвета ясного, летнего неба, зазывающий к поцелуям, рот. И эта кожа – светлая, без изъянов, которая не нуждалась ни в белилах, ни в румянах. Это было чисто наблюдение человека, искушенного в красоте женщин.

– Тогда святым отцам придется нарушить свой целибат, – удивительно зло процедил Леонардо, отчего Годива вздрогнула, и мужчина добавил:

– Место женщины – в доме. Рожать детей, а не запираяться вдали от мира. Поэтому, будет так, как я сказал.

Годива, ощущая все нарастающую тревогу в груди, спросила:

– У меня не будет права выбора?

– Выбора? – усмешка поползла по смуглому лицу воина. – Скажи, разве саксонских женщин прежде спрашивали, за кого хотят они выйти? Нет. За них решали родители или опекуны. Так же, как и нормандских женщин. Я не твой родитель, но на роль опекуна сгожусь. Это даст тебе много преимуществ, Годива. Претендентов на тебя будет немало, я уверен, но зная, кто я, останутся лишь достойные.

Леонардо говорил с твердой уверенностью. Знал, так и будет. Не всякий осмелится свататься к Годиве – ведь, в случае несерьезных намерений, человека ожидало наказание от самого нормандского льва. Тот же, кто не побоится, будет мужчиной смелым и серьезным. И пусть будет молодым – под стать белокурой саксонке. Леонардо не сомневался – это не затянется более чем на пару месяцев. Так будет лучше для всех. Он освободится от этого груза, забудет и пойдет дальше – своей дорогой. С Годивой им было не по пути.

Годива приняла решение Леонардо с достоинством. Хотя слова его больно ранили её, она постаралась не выдать своих чувств. Не стала девушка ни умолять, ни выпрашивать – понимала, что не имеет права, что мужчина, на которого она сейчас смотрела, не был уже тем юношей. Просто... все эти годы, в её снах и мечтах, Леонардо оставался героем, спасителем, и теперь, было грустно от того, что они снова расстанутся. Словно, она совсем недавно обрела что-то родное, с которым вынуждена, будет попрощаться – теперь уже навсегда.

Больше они не говорили. Годива, погруженная в размышления, устремила свой взор на костер. Оранжево-синие языки пламени, танцуя, то сливались, то распадалась на части, издавая треск, выбрасывая в воздух серый пепел. Не станет ли пеплом её жизнь? Что её ожидало впереди? Девушка не знала. Все, что было во власти Годивы – прошептать молитву и попытаться уснуть.

Небольшой конный отряд, миновав поле, приблизился к черному пепелищу. Не осталось ни стен, ничего, что свидетельствовало о том, что днями ранее здесь возвышался деревянный замок. Высокий, тонкокостный блондин, грациозно спрыгнув с белого коня, шагнул на место своего прежнего дома. Пнув сапогом черную головешку, молодой мужчина сжал кулаки. Ноздри на лице блондина стали раздуваться, говоря о разрастающемся гневе. Обведя взглядом все пространство, Эрик прокричал в прохладный, осенний воздух:

– Годива!

Один из воинов приволок седовласого слугу. Эрик без труда узнал в нем управляющего, верно служившего своим господам все эти 30 лет. В два шага оказавшись рядом с ним, молодой мужчина вцепился в поношенную рубаху старика.

– Где моя сестра? – прошипел Эрик.

– Её забрали, – Уорик попытался говорить уверенно, но злой взгляд молодого господина пугал его. – Нормандский лев.

– Забрали? Нормандский лев? Это проклятое отродье? – Эрик с силой встряхнул старого управляющего, а потом и вовсе отшвырнул его в сторону. Уорик завалился на бок, прикрывая голову руками. Блондин равнодушно отнесся к страданию слуги. Он, перешагнув через него, вернулся к другим всадникам.

– Моя красавица-сестра в руках нормандцев, – с отвращением в голосе произнес молодой господин.

– Это даже может быть на пользу нашего дела, – заметил один из мужчин.

Солнце, щедро одаривая путников своим теплом, начало свое неуклонное шествие по небосводу, и вот уже светило принялось медленно, но верно, склоняться к горизонту. Близился очередной осенний вечер, а вместе с ним – и прохлада, в этот раз долгожданная, ибо сегодняшний день напоминал жаркий летний.

Тело Годивы изнывало от усталости. Никогда прежде ей не приходилось так долго проводить время в седле. Колени кололи от ран. Надо было их помазать той мазью, что давал Леонардо, только где теперь её искать, и каким образом уединиться, чтобы заняться ранами? Оставалось только ждать. Годива чувствовала – они уже близки к цели, и от того становилось все тревожнее. Девушка заерзала на месте, затем, стала склоняться вперед. Хотелось избавиться от неприятных ощущений, которые все заполняли и заполняли душу. Жаль, что одних действий недостаточно для этого.

– У тебя что-то болит? – прогремел над головой мужской голос. Это был первый вопрос Леонардо за целый день.

– Нет, – Годива снова села ровно.

Мозолистая ладонь обхватила лоб девушки. Белокурая красавица, смущенная, замерла на месте.

– Жара нет, – удовлетворенно заметил Леонардо, – но если почувствуешь себя плохо, обещай мне, что сообщишь мне об этом.

– Хорошо, – быстро согласилась Годива. А сама подумала – «плохо мне, но только не телу, а душе. Страшно, тревожно и грустно. Но разве могу я сказать тебе о том, что твое решение принесло все эти чувства?»

Еще какое-то время они ехали, сохраняя молчание, затем – обогнув холмы, вышли на поле, где их встретило оставшееся войско Леонардо. Нормандский лев, возглавив его, двинулся вперед. Как только всадники пересекли поле и миновали небольшое озеро, на горизонте показался замок.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Огромный, светло – серого цвета, каменный замок утопал в лучах заходящего солнца. Годива, впервые в жизни увидев замок из камня, а не из дерева, как было принято у саксов, тут же оживилась и принялась разглядывать строение. Круглые башни, зубчатые крепостные стены, внушавшие своим видом неприступность для врагов и безопасность для его обитателей.

С протяжным, пробирающим до дрожи, гулом, отворились ворота – гостеприимно впуская Леонардо и отряд воинов. Большая же часть войска осталась за стенами замка – такое число людей он был не в состоянии вместить в себя. Однако это не вызывало ни протеста, ни огорчения воинов – они знали, что пир будет богатым, щедрым – и угощения достанутся всем вдоволь, к тому же, мужчины привыкли к простой солдатской жизни – ночевать на свежем воздухе, греться у костра и охотиться. Площадь замка все это ограничивала, негде было разгуляться. Леонардо и сам был бы рад остаться вместе со всеми своими воинами, но статус, которым обладал нормандский лев, обязывал его к некоторым вещам – например, к тому, чтобы присутствовать на ужине, который наверняка сегодня будет организован в его честь.

Стоило только всадникам оказаться во внутреннем дворе, как из жилого господского дома, улыбаясь во все бородатое лицо, вышел среднего роста мужчина. Его темные волосы, местами посеребренные сединой, были гладко расчесаны и доходили ему до плеч. Чуть прихрамывая на левую ногу, мужчина, подошел почти вплотную к Барону. Конь недовольно зафыркал и демонстративно отвернул морду, делая вид, что не замечает человека. Затем и вовсе собрался было, повернуться задом, но властная рука Леонардо удержала его от этого маневра.

– Смотрю, Барон по-прежнему имеет норовистый характер, – заметил хозяин замка.

– Годы не изменили Барона, – усмехаясь, ответил Леонардо, ловко спрыгивая с коня и пожимая руку мужчине.

– Видимо, тебя тоже годы не меняют, – хозяина замка окинул воина веселым взглядом, – нормандский лев – такой же сильный и смелый.

– То же самое можно сказать и о тебе, Барди, – улыбнулся Леонардо, чуть сильнее сжимая ладонь мужчины.

– Почти, если бы не моя проклятая нога, я бы встал под твое знамя, – с легкой досадой в голосе произнес Барди.

– Не забывай, что твоя нога пострадала при Гастингсе, и пусть она напоминает не о твоей слабости, а о той победе, которую мы все вместе одержали, – Леонардо произнес это голосом, полным твердой уверенности.

– Ты прав, – серые глаза Барди блеснули гордостью, затем, взгляд хозяина дома скользнул со смуглого лица Леонардо на молодую девушку, застывшую, подобно статуе. Она восседала верхом на Бароне. Голубые глаза смотрели в одну точку.

– А это кто? – понизив голос, поинтересовался Барди.

Леонардо, резко вскинув голову, посмотрел на свою пленницу. Её светлое лицо, обрамленное белокурыми волосами, напоминало ему сияние луны. Странное сравнение для человека, не знавшего поэзии, для вояки, которому были чужды все эти замысловатые слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.